

КОННИ БРОКУЭЙ

ГЕРОЙ
ЕЕ МЕЧТЫ

КИНОШАРМ

Конни Брокуэй
Герой ее мечты

«АСТ»

1994

Брокуэй К.

Герой ее мечты / К. Брокуэй — «АСТ», 1994

Ноубл Маккэнихи был героем детства Венис Лейланд, – преданным другом, кумиром, – но десять лет назад бесследно исчез из ее жизни. И вот они случайно встретились на Диком Западе, в маленьком городке, затерянном в Скалистых горах. Мальчишка стал сильным, привлекательным мужчиной, а его маленькая подружка – прелестной юной женщиной. Самое время детской любви возродиться. Но почему изнывающий от страсти Ноубл боится признаться Венис в своих чувствах? Какая тайна довлеет над ним, и от чего он пытается защитить любимую?

© Брокуэй К., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Конни Брокуэй

Герой ее мечты

Пролог

Манхэттен, 1862 год

Это не были... труппы в полном смысле этого слова, но по сравнению с окраинами Нижнего Ист-Сайда громоздившиеся здесь доходные многоквартирные дома были гораздо выше, и улица производила гнетущее впечатление. Покрытые копотью кирпичные и деревянные горы поднимались до самого затянутого дымом неба, а внизу по глубокому бетонному ущелью катилась волнами и бурлила водоворотами людская река.

Появившийся из узкого переулка мужчина с сальным лицом, с вызывающим отвращением довольством поглаживавший грязными руками свой огромный живот, прищурил глаза с покрасневшими веками при виде проходивших мимо женщины и девочки лет одиннадцати или двенадцати – они в чистой нарядной одежде были не к месту в море грязных фабричных рабочих и галдящих наемных служащих магазинов, торопливо, с причмокиванием пьющих слабый чай под еще более слабым солнцем осеннего полудня. Алчный взгляд мужчины с явным интересом остановился на ребенке. Небрежно, слишком уж небрежно он подстраивал свой шаг под шаг девочки и так сосредоточился на своей жертве, что не заметил долговязого, неуклюжего подростка, который шел позади него.

И почему он должен был обратить на парня внимание? Стриженный подросток в болтающейся на хрупких плечах одежде вполне мог быть одним из тысяч детей иммигрантов. Пожалуй, он был чище, а его спина прямее, но настороженное, понимающее выражение на взрослом не по возрасту лице Ноубла Маккэнихи, Слэтса, было таким же, как и у всех вокруг.

Девочка и женщина свернули в менее людную боковую улицу, а толстяк, юркнув за повозку, свинными глазками следил за их продвижением. Ноубл выругался себе под нос. Он уже не раз говорил Тревору, что эта женщина, Нэн, – неподходящая няня для Венис, единственного ребенка Лейланда. Нэн все чаще и чаще возвращалась сюда, где изначально Лейланд впервые повстречал ее, а потом, сделав характерный для него благородный жест, привез на Парк-авеню, уверенный, что работа станет ее спасением. Но Ноубл понимал, что Лейланд заблуждается. Деньгами нельзя купить избавление от пагубной привычки, а Нэн была такой заядлой алкоголичкой, каких Ноубл еще не видывал.

Когда Ноубл предупредил об этом Лейланда, Тревор с натянутой улыбкой и холодным взглядом заметил, что Ноубл и его мать – наглядные примеры того, чего можно достигнуть такой необычайной щедростью. Три года назад они были немногим лучше Нэн. Его мать, вдова, недавно эмигрировавшая из Ирландии, стала кухаркой у Лейланда, а Ноубл, смысленный уличный мальчишка, обучался наравне с дочерью хозяина и теперь, в свои почти семнадцать лет, должен был начать учебу в Йеле... исключительно благодаря щедрости Лейланда.

Ноублу надо бы на коленях благодарить своего патрона, а вместо этого он злился на хозяина из-за Венис, маленькой, беззащитной, уязвимой дочери Тревоора, потому что однажды один из тех, на кого Лейланд обращал свою благотворительность, может обидеть Венис...

Но сегодня этого не произойдет.

Толстяк согнул руки. Какой-нибудь безмозглый болван мог бы недооценить его силу, но Ноубл был достаточно сообразительным, чтобы понять, что в толстом, трясущемся теле мужчины достаточно мускулов и он сможет легко схватить Венис. Она будет приносить хорошие деньги в каком-нибудь дорогом борделе – разумеется, после того как свиноподобный мужчина представит свой товар.

От этой мысли Ноублу стало плохо. Он знал о двенадцати– и даже десятилетних проститутках, но они не были... детьми. А Венис была ребенком, самым невинным и очаровательным из всех, кого он встречал. И Ноубл, который никогда не знал настоящего детства, никому не позволит разрушить детство этой девочки.

Потирая мясистые руки, мужчина протискивался сквозь людскую толчею: там были старьевщики, толкающие нагруженные тележки, девушки – продавщицы сигарет, с испачканными никотином пальцами и пустыми глазами, торговцы бельем, рабочие котельных, печатники, швеи и попрошайки. И все они пели одну и ту же песню нужды, безнадежности и отчаяния: «Купите, подайте, помогите!»

Ноубл увидел, что Венис остановилась перед разбитой витриной магазина и нагнула темную голову, чтобы рассмотреть что-то за тонким оконным стеклом, а Нэн, явно скучая, пошла дальше по улице в сторону сияющих изделий на тележке торговца бижутерией. Ноубл с удовольствием задушил бы глупую гусыню за то, что она оставила Венис одну.

Жирные, бледные губы толстяка растянулись в улыбку. Двигаясь медленно, засунув руки в карманы, он пробирался сквозь кучу людского мусора, не отрывая взгляда от хрупкой фигуры Венис. Еще несколько шагов, и он поравняется с девочкой. Ноубл, прежде уже видевший подобного рода захваты и знавший, что в одной руке у толстяка кляп, а в другой – маленький, наполненный свинчаткой кожаный мешочек, быстро поравнялся с негодеям.

Тот огляделся по сторонам, спокойно скользнув взглядом по Ноублу и уверившись, что тот не представляет абсолютно никакой угрозы. Поблизости не было никого, кто мог бы помешать ему, там даже не было никого, кто мог попытаться это сделать. Все лица были одинаковыми – бледными, оцепенелыми, не выражающими ничего, кроме мыслей о голоде. Внезапно толстяк сделал рывок: он бросился вперед быстро и решительно, с удивительной легкостью для столь тучного человека.

Ноубл оказался проворнее.

Он метнулся вперед и загородил толстяку дорогу. Противник резко остановился, упершись в Ноубла своим торчащим животом. Ноубл устоял, а толстяк нахмурился так, что на его сальном лбу пролегли глубокие складки.

– Убирайся отсюда, проклятая помойная крыса! – проворчал он с ноткой замешательства в голосе. Дети трущоб не оказывают сопротивления тем, кто больше их, – если только не хотят встретить свой конец и оказаться до смерти забитыми в переулке. Вмешательство Ноубла выбило толстяка из колеи. Это хорошо, подумал Ноубл. Они стояли лицом к лицу, и, хотя Ноубл из-за внушительного объема противника казался меньше, их взгляды встретились на одном уровне. Ноубл не сделал ни малейшего движения, чтобы уйти с дороги.

– Чего тебе надо? – шепотом прорычал толстяк, очевидно боясь спугнуть Венис, продолжавшую разглядывать витрину магазина, расположенного на расстоянии нескольких ярдов.

Все еще загораживая своим тощим телом дорогу негодею, Ноубл отрывисто кивнул в сторону Венис и со спокойствием, которого совсем не чувствовал, медленно покачал головой, ни на миг не спуская глаз с лица толстяка.

С перекошенных губ негодея слетело отвратительное ругательство; откровенно сбитый с толку безмолвной угрозой Ноубла он рассматривал парнишку и, явно не зная, что делать, переступал с ноги на ногу.

Толстяк взглянул на Венис, и Ноубл еще раз покачал головой. В словах не было необходимости, толстяк уже понял, что если попытается схватить Венис, парень не даст ему утащить ее. Ноубл, возможно, и не возьмет верх, но он будет сражаться, как пес с помойки, – это умеют все дети трущоб. А если попытаться сначала схватить Ноубла, это только послужит для Венис предупреждением о грозящей ей опасности. В любом случае толстяк упустит возможность, а Ноубл в итоге отделается небольшой потерей крови и синяками. Это был риск, на который Ноубл не раз шел ради Венис, и обычно победа оставалась за ним.

Направив смачный плевок на изношенный сапог Ноубла, толстяк начал разворачиваться, но тут Ноубл услышал оклик Венис:

– Слэтс! Что ты здесь делаешь?

Толстяк быстро оглянулся на Ноубла, но взгляд Ноубла так и не оторвался от него. Если бы Ноубл повернул голову на оклик Венис, то можно было бы нанести парню удар.

Расстроившись, толстяк шаркающей походкой поплелся к расположенной в нише двери и, перешагнув через ящики и мусор, которыми были завалены ступеньки, скрылся в полутемном помещении. Уголкем глаза наблюдая за приближением Венис, Ноубл подождал целых две минуты, а потом решил, что толстяк окончательно отказался от преследования. Положив руку Ноублу на локоть, Венис посмотрела вверх, в лицо спасителя, и ее милые черты засветились радостью. Венис открыла рот, но Ноубл оборвал ее, не дав заговорить:

– Ты идешь домой. Сейчас же.

Радость медленно исчезла из ее глаз и сменилась обидой. Ноубл слышал, что рычит от раздражения, и чувствовал себя грубияном из-за того, что лишил Венис удовольствия. Но черт побери, ей пора научиться осторожности.

Через несколько месяцев он уедет, оставив позади этот грязный, ненавистный город.

– Не понимаю, как эта пьянчужка посмела притащить тебя сюда.

– Нэн никуда меня не тащила, Слэтс, – возразила Венис. – Это была полностью моя идея. Клянусь. Пожалуйста, не рассказывай никому. – Ее глаза наполнились слезами.

Ноубл и не собирался. Венис была исключительно добросердечной, но крайне избалованной. Как только Венис начинала проливать слезы, Лейланд позволял ей все – только чтобы она не устроила сцену, не привлекла внимание; он отдавал ей все, что угодно, только не свое время.

– Это правда. Отдаю себя в твое распоряжение, – театрально провозгласила Венис. – Но... узнав, что ты когда-то жил здесь... я просто должна была увидеть, на что это похоже.

– Настоящий ад, – пробурчал Ноубл. – Надеюсь, это место соответствует всем твоим мрачным ожиданиям. А теперь, когда твое низменное любопытство удовлетворено, уходи!

– Это совсем не любопытство, Слэтс. – От обиды и смущения у Венис задрожал голос.

– Прекрасно. Теперь мы найдем эту... твою няню и уйдем отсюда. Здесь небезопасно.

– Хорошо. Но я думаю, ты слишком преувеличиваешь. Ничего не случится. Сейчас разгар дня, и улицы полны людей. – Ее доверчивая, счастливая, безмятежная улыбка заставила Ноубла почувствовать, что ему неизмеримо больше семнадцати лет. – И ты со мной.

Застонав, Ноубл взял ее под локоть и, повернув кругом, мягко подтолкнул вперед:

– Иди.

Он не видел, что толстяк, выбравшись из укрытия, наблюдает, как они идут по заполненной людьми улице.

– И кем, черт побери, ты себя возомнил? – тихо проворчал толстяк. – Каким-то чертовым героем?

Глава 1

Денвер, территория Колорадо, 1872 год

Стоя на платформе номер три железнодорожного вокзала Денвера, главный инженер железной дороги смотрел в самые восхитительные, самые печальные глаза, какие он когда-либо видел. Они были серыми, как крылья умирающего голубя, нежными, как туман, стелющийся над вереском его родной Ирландии, и вдвойне вдохновляющими.

Инженер вздохнул и с удовольствием сдался.

– О, мисси, не плачьте! Я все сделаю. Я назначу дополнительный рейс из Денвера в Сэлвидж. Для меня это не составит труда. А ваш багаж доставят к середине недели.

Как солнечный свет прорывается сквозь темные облака, так и глаза молодой леди прояснились словно по волшебству. Там, где всего мгновением раньше была печаль, теперь сияла радость.

– О, это замечательно! Всех благодарностей будет мало, сэр! – воскликнула леди и тыльной стороной руки вытерла влажные щеки. – И раз уж вы взялись за это, не могли бы вы оказать мне еще одну крошечную услугу? – продолжила она. – Сущий пустяк. Не найдете ли для меня шампанское? Я не уверена, что в этом Сэлвидже оно есть.

Чудесное исцеление маленькой леди свершилось, и теперь ее симпатичное личико по-настоящему сияло. В мозг инженера закралось болезненное подозрение, что его дурачат, и он пристально посмотрел на леди, но она в ответ улыбнулась так лучезарно, что он мгновенно прогнал от себя подлую мысль. Девушка, несомненно, была ангелом. Улыбнувшись и кивнув, инженер поспешил исполнить распоряжение ангела.

– Милая, вы играете им, как двадцатипятицентовой рыбой на пятидесятицентовом крючке, – со смехом и уважением произнес женский голос за спиной Венис Лейланд.

Венис, в этот момент потиравшая от удовольствия руки, резко обернулась, так что ее темные волосы рассыпались по плечам. Из-под экстравагантной шляпы, с полей которой свисали яркие крылья несчастной канарейки, на Венис пристально смотрела леди в платье из зеленой тафты, с красными накрашенными губами, растянутыми в восхищенной ухмылке, а по обе стороны ее миловидного широкоскулого лица кудрявились осветленные волосы, цвет которых никоим образом не затмевался ярко-желтыми перьями над ними.

– Я неисправима, правда? – У Венис, как у проказливого ребенка, на щеках тотчас появились ямочки.

– Я ничего не знаю о «неисправимости», но могу держать пари: вы настоящая лулу, когда хотите этого.

– Лулу?

– Конечно, милая. Ну, знаете, этакая штучка, чертовка, настоящая колдунья, – ответила леди.

– Восхитительно.

Леди острым, оценивающим взглядом окинула сверху вниз идеально сидящее на Венис бледно-желтое платье.

– Мисс Лейланд? – промямлил проводник в форме и в фуражке. – Могу я что-нибудь сделать для вас?

– Вы действительно Венис Лейланд? Дочь Тревора Лейланда? – спросила леди, и в ее гнусавом, протяжном произношении появилось что-то, что, возможно, было вызвано смущением.

Всем было известно, что Тревор Лейланд владел половиной Нью-Йорка. А еще к тому же Тревор и его брат Милтон являлись главными держателями Фонда Лейланда, благотворительной организации, которая финансировала «Скоростную дорогу Лейланда – Хокнесса». Эта

скоростная дорога поднималась на семьдесят миль к крошечному городку Сэлвидж, самому отдаленному поселению в Скалистых горах. И это, в свою очередь, делало Сэлвидж одним из самых прибыльных мест для торговли, так что городок был просто предназначен стать местом рождения нового женского предприятия, гостиницы «Золотая пыль».

Проводник прищурился и, встав перед Венис, помахал пальцем перед носом ее бойкой собеседницы:

– Проваливай, сестрица. Таких, как ты, здесь не принимают.

– Кейес Кейти везде принимают!

Проводник угрожающе шагнул вперед.

– Ах, заткнись, я участница танцевальной вечеринки в буйволоковой яме! – задиристо выкрикнула Кейти, однако поправила на плечах накидку и подобрала свои пышные юбки.

– Что вы имели в виду, сказав «заткнись»? И что такое «танцевальная вечеринка в буйволоковой яме»? – заинтересовалась Венис.

Кейти решила доставить удовольствие маленькой леди.

– Пожалуй, мне лучше представиться. Кейес Кейти Джонс, мадам. Уроженка Скалистых гор, владелица гостиницы «Золотая пыль» в Сэлвидже, Колорадо.

– Вы местная? Из Сэлвиджа? – Не дожидаясь ответа, Венис положила обе руки на плечи Кейти и заглянула ей прямо в удивительные карие глаза. – Мисс Джонс, я должна попросить вас об огромной услуге.

– Держу пари, это не та услуга, о которой ее просят обычно, – фыркнул проводник.

Бросив проводнику предупреждающий взгляд, Кейти снова перенесла все свое внимание на Венис.

– Да? И что же это?

– Я поспешила сюда, когда работники скоростной дороги прислали телеграмму, сообщая в Фонд, что от моего дяди уже шесть месяцев нет известий. – Ее тревога о благополучии Милтона, тревога, которую она тщательно скрывала от всех, угрожала выдать себя. – Нельзя сказать, что в этом есть что-то чрезвычайно необычное, – откашлявшись, продолжала Венис, – но дядя Милтон не удосужился оставить распоряжение, чтобы во время его отсутствия служащим скоростной дороги выплачивалась зарплата. Финансирование своей экспедиции он организовывал сам.

– Экспедиции?

– Да. Мой дядя – палеонтолог. В последние семь лет он именно этим и занимался в Сэлвидже – искал останки вымерших животных.

– А-а. – На лице Кейти появилось выражение вежливого интереса.

Это выражение было хорошо знакомо Венис, но она не стала заострять на нем внимание. Не было причин вдаваться в объяснения, признаваясь, как близок Фонд к закрытию финансирования милтоновского исследования Скалистых гор. Даже ее дядя Милтон был почти готов признать свое поражение и прекратить поиски костей огромных динозавров. Он написал, что проведет здесь последний сезон и успокоится, если не добьется успеха.

– Вы говорили?.. – напомнила Кейти.

– Мисс Джонс, я хочу помочь Сэлвиджу, но чтобы это осуществить, мне нужно знать о городе все, что можно: его активы и долги, его возможности или их отсутствие. У меня нет времени изучать здоровье городской экономики. Мой отец захотел, чтобы меня не было в Нью-Йорке во время его избирательной компании в городской совет.

Кейти вопросительно наморщила брови, и Венис покраснела.

– Понимаете, нью-йоркские газеты опубликовали те рассказы о моем последнем африканском сафари, – объяснила Венис. – Они объявили, что я стала членом племени каннибалов, и это просто потому, что на благотворительный бал я надела определенного рода артефакты. –

У Венис задрожали губы, и она замолчала. – То ожерелье было сделано не из человеческих костей! – воскликнула она. – Это были кости бабуина!

Кейти открыла рот, чтобы ответить, но Венис опередила ее:

– Через месяц я стала сенсацией. К сожалению, статьи обо мне появляются не в первый раз. Но это была пресловутая соломинка, которая сломала верблюду спину. В данный момент отец не может купить голоса.

– Купить можно все, – сухо заметила Кейти.

– Существует одна вещь, мисс Джонс, которую нельзя купить за деньги: доброжелательное отношение среднего класса.

– Милая, мне ли этого не знать, – с жаром согласилась Кейти. – Но почему вы мне все это рассказываете?

– Почему? Потому что я хочу, чтобы вы мне посочувствовали и оказали услугу, – откровенно ответила Венис. – Я приехала сюда, надеясь ликвидировать беспорядок, в котором мой дядя оставил город – город, в который вы едете. Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что знаете о Сэлвидже, все.

– И только? Вы хотите просто поговорить? – уточнила Кейти.

– Да, поговорить, и, конечно, я хочу, чтобы вы разделили со мной мой пульмановский вагон. Вы не откажетесь провести со мной остаток путешествия в Сэлвидж?

В ответ на вздох ужаса, вырвавшийся у проводника, мгновенно последовала улыбка Кейти.

– Мисс Лейланд, прошу вас, вы же не хотите, чтобы подобные... – Проводник запнулся.

– Что ж, конечно, проведу, мисс Лейланд, – перебила его Кейти.

– Замечательно. Кстати, нет ли здесь мистера Джонса?

– О, он где-то там! – Кейти неопределенно махнула рукой на север. – Там. И он, по-видимому, не так глуп, чтобы показываться рядом со мной. Он не дурак, если не собирается получить по полной, – спокойно сказала Кейти, улыбнувшись удивлению на лице Венис, но в подробности вдаваться не стала.

– Хм... Да. Конечно. Мой вагон здесь. – Венис взяла Кейти под руку и мягко потянула к пульмановскому вагону, стоявшему в нескольких ярдах, а проводник бросился вперед, чтобы открыть отделанную медью дверь. – И прошу вас, мисс Джонс, называйте меня Венис.

Кейти, подобрав подол своей зеленой юбки, наступила на ногу внезапно ставшего предупредительным проводника и, проходя мимо него в вагон, наградила парня своей фирменной ослепительной улыбкой.

– Конечно, Венис, милая, как скажете.

«Лига женских радостей Сэлвиджа», которая включала всех девятерых достойных женщин города, ожидала на заполненной народом, покосившейся станционной платформе. Твердо решив исполнить свой долг, они стояли, как строй солдат, ожидающих инспекции придирчивого командира. Выпрямив спины и глядя прямо перед собой, огрубевшими от работы руками, которые скрывались под легкими перчатками, они сжимали шнуры связанных вручную сумочек, а шляпами защищали носы от жгучего горного солнца.

Они были здесь для того, чтобы оказать мисс Венис Лейланд прием, которого достойна леди ее положения, ведь, кроме всего прочего, благотворительный Фонд ее семьи поддерживал тонкую артерию, от которой зависела жизнь Сэлвиджа, – «Скоростную дорогу Лейланда – Хокнесса».

На противоположном конце платформы стояла другая группа женщин, во всех отношениях так же, как и их сестры, приверженных радостям – только более осязаемым.

На перекладины станционного забора взгромоздились, как домашние птицы причудливой породы, двадцатилетние девушки в платьях из красного атласа и полосатого крепа, с напуд-

ренными и разукрашенными лицами, с волосами, извивавшимися, как угри на сковороде. И щебетали они тоже как птички, их непрерывное кудахтанье время от времени разнообразилось отдельными пронзительными взрывами хриплого смеха. Большинство из них пришли сюда, чтобы увидеть леди, которая парой бросков выиграла «Золотую пыль», – Кейти Джонс.

А кроме этих двух групп, рассыпавшись по улицам позади станции, поезд встречал и остальной Сэлвидж – почти весь, то есть три с лишним сотни человек: шахтеры, завсегда-таи пивнушек, искатели приключений, торговцы разного рода и золотоискатели. Они ходили туда-сюда между двумя группами женщин, не желая слишком определенно причислить себя к какой-либо из них. Сделай они окончательный выбор, и любая группа могла превратить человеческую жизнь в ад на земле.

Но любой мужчина проклинал бы себя, если бы пропустил прибытие этих двух леди, самых знаменитых в короткой истории Сэлвиджа: новой владелицы гостиницы, Кейес Кейти Джонс, и мисс Венис Лейланд, которая, если верить слухам, была вольной, как ветер, прелестной, как горный лавр, и быстрой, как кнут.

Именно последняя метафора беспокоила Тима Гилпина, редактора «Рупора Сэлвиджа», а все дело в том, что ему нравилось жить в Сэлвидже.

Хотя прошло уже больше десяти лет с тех пор, как Тим откликнулся на предложение Грилли и «рванул на Запад», он все еще поддерживал кое-какие связи с тем отделом новостей в Нью-Йорке, где начинал работать. Он многое знал о красавице мисс Лейланд, и самое важное – что Венис не была ветреной болтушкой, какой любили представлять ее газетчики.

Она не только с отличием окончила Вассар, но еще и, как поговаривали, управляла несколькими мелкими программами Фонда Лейланда. Что ж, если никто больше не принимал всерьез дипломы маленькой леди, то Тим Гилпин – не из них. Подняв короткий, испачканный чернилами палец, он принялся нервно грызть ноготь.

Тим уже собирался взяться за другой ноготь, когда услышал, как кто-то выкрикнул его имя. Встав на цыпочки, он вытянул шею, чтобы узнать, кто его зовет. Энтон и Гарри Гранди, владельцы местного магазина, с широкими улыбками на лицах стояли в отдалении, прислонясь к стене.

– Тимми! Ти-им-ми-и! – прокричал тощий рыжеволосый Гарри и, подняв бутылку, покрутил ею над головой.

Вздыхнув, Тим локтями проложил себе дорогу сквозь толпу. Он знал, что Гарри будет продолжать орать, пока Тим не поприветствует его.

– Привет, Гарри, – сказал Тим. – Энтон.

Энтон, сильный, как бык, вполовину такой же умный и вдвойне агрессивный, когда был пьян, затуманенным взглядом выглянул из-за полногрудой женщины, которую обнимал.

Через несколько месяцев после того, как они отправились на Запад искать свое счастье, братья оказались на пороге магазина своего дяди Зеба Гранди. Они были пьяны и без гроша в кармане, но не унывали. Зеб, много лет не видевший своих единственных оставшихся в живых родственников, бросил взгляд на наследников, схватился за сердце и попросил перо. Он умер еще до того, как успел изменить завещание.

Спустя четыре месяца открылась скоростная дорога, а через два года Энтон и Гарри, вероятно, до того наименее преуспевающая пара из всех никудышных людей штата, стали по-настоящему богатыми людьми.

– Какую из прелестных леди ты пришел увидеть воочию, Тим? – хитро подмигнув, поинтересовался Гарри.

– Ты, сынок, вероятно, последний раз видишь железную дорогу, когда глазеешь на таких, как мисс Венис Лейланд, – грустно ответил Тим.

– Что ты хочешь сказать? – не понял Энтон.

– Подумай, Энтон. – Он похлопал Энтон по спине. – Единственное, почему Сэлвидж вообще существует, так это потому, что по какой-то причине богатый старик решил, будто в этих горах что-то ожидает своего открытия.

– Он уже несколько лет ищет эти свои древние скелеты. – Гарри глуповато ухмыльнулся и, поднеся бутылку ко рту, сделал большой глоток.

– Семь лет. В течение семи лет Милтон поддерживал работу скоростной дороги, которая обеспечивала Сэлвидж товарами, сделавшими этот маленький город богатым. – Тим взглянул, чтобы проверить, произвели ли его слова какое-нибудь впечатление. Гарри блаженно мусолил свою бутылку с выпивкой, а Энтон усердно старался заглянуть в лиф платья своей подружки. – И вот теперь, – Тим кашлянул, – прибывает его племянница, мисс Венис Лейланд, одна из молодых членов правления Фонда Лейланда. Пришла пора задать себе вопрос, ребята. Думаете, Милт найдет кости в этих холмах?

– Конечно, нет, – усмехнулся Энтон. – Старина Милти к этому времени нашел бы их, если бы было что искать.

– Совершенно верно. Милт уже сказал, что он уедет, если не найдет чего-нибудь, ради чего стоит торчать здесь. Скажите мне, джентльмены, что, по-вашему, делает здесь мисс Лейланд?

Энтон и Гарри тупо уставились на него, и Тим вздохнул:

– Давайте скажем так. Если вы семь лет финансируете шахту и в конце концов приходите к заключению, что чертова дыра достала вас и в балансе вы имеете большой жирный ноль, что вы будете делать?

– Закроем ее! – одновременно выпалили Энтон и Гарри, довольно улыбаясь, уверенные, что дали правильный ответ.

– Совершенно верно. – Тим бросил взгляд на их торжествующие улыбки и, покачав головой, повернулся и пошел обратно через толпу.

Улыбки оставались на лицах братьев Гранди целую минуту, но резко исчезли в то мгновение, когда до них начал доходить смысл сказанного.

Гарри оттолкнулся от стены и, схватив Энтон за ворот рубашки, заставил его выпрямиться.

– Пошли, малыш, нам нужно составить план.

– Что еще за план? – отозвался Энтон.

– Пока не знаю, но лучше составить его поскорее.

Кейти откинулась на широкое бархатное сиденье и положила в рот еще конфету.

– В свое время я бывала в нескольких по-настоящему потрясающих домах, но это побивает их полностью. – Пожалуй, в сотый раз она оценивающим взглядом обвела личный вагон Венис. Венис улыбалась, наблюдая, как взгляд Кейти скользил по красным бархатным шторам на окнах, персидским коврам на полу, полированному буфету из орехового дерева и вышитым драпировкам, скрывающим кровать в дальнем конце. – Изысканно. По-настоящему изысканно.

– Спасибо, – поблагодарила Венис.

– Да, у вас есть все: деньги, красота и ум. Много ума. Кто бы мог подумать, что за этим утонченным личиком скрывается прирожденная актриса!

– Прошу прощения?

– Я видела, как вы манипулировали инженером... и другим мужчиной, который случайно попался вам на глаза. И не притворяйтесь, будто не знаете, что делаете. Последний раз, когда вы превратили мужчину в круглого идиота, вы подмигнули мне! Черт! – Кейти засунула в рот еще одну шоколадку. – Мне стоит поучиться у вас. Я и сама не новичок в том, чтобы обводить мужчин вокруг пальца!

– Мистера Джонса, – кивнула Венис.

– Его и других, – пробормотала Кейти.
– Вы с мистером Джонсом в ссоре?
– Вовсе нет. Никакой ссоры. Нельзя поссориться с тем, кого здесь нет. Он и я, мы просто разбежались. Несколько лет назад.

– Простите.
– Не извиняйтесь. Не стоит вступать в брак, чтобы сожалеть об этом. Масло и вода, милая. – Она иронически фыркнула. – А что вы? Вы замужем?

– Нет. Пока нет.
– Как?! – Кейти покраснела и выпрямилась. – Простите. У вас, вероятно, есть кавалер, с которым вы души не чаете друг в друге?

– Нет. – Венис улыбнулась и отошла к туалетному столику вишневого дерева под окном. – Я ни в кого не влюблена. Мое отношение к любви очень похоже на ваше. – Она раздвинула плотные расшитые шторы и выглянула наружу. – Скажите мне, мисс Джонс, как мне завоевать доброжелательное отношение людей?

– Не знаю, – пожала плечами Кейти. – Я сказала бы: построить церковь, но это немного похоже на предложение пустить кошку в конюшню. О! Устроить праздник. Праздники все любят.

– Я тоже люблю праздники.
– Точно. Повесьте большое объявление. Будьте по-настоящему дружелюбной.
– Могу понять, почему люди решают жить здесь. Здесь красиво. – Бросив последний взгляд на открывавшуюся панораму, Венис села за туалетный столик и принялась расчесывать волосы.

– Неужели у вас нет для этого горничной или еще кого-нибудь? – удивилась Кейти.
– Нет. Когда я была ребенком, горничных у меня было больше, чем положено. – Венис сделала паузу. – Но никто из них надолго не задерживался.

У Венис возникло старое чувство, что ее бросили, как какую-то изношенную одежду, с которой просто слишком много хлопот, чтобы ее упаковывать, а с этим чувством явился и запретный образ худого парня со светло-кариими глазами и встревоженным, сердитым лицом. Даже он уехал. Причем после того, как пообещал не уезжать. Веля себе прогнать прошлое, Венис со злостью потянула щеткой волосы.

Дверь вагона распахнулась, и толпа на железнодорожной станции Сэлвидж хлынула вперед, стремясь увидеть прославленную мисс Венис Лейланд. Но когда наверху короткой лестницы вместо одной леди появились две, все остановилось, как сбитые с толку овцы, потому что невозможно было определить, кто из них двоих Венис Лейланд.

На обеих были яркие нарядные платья, обе носили шляпы. Та, что помоложе, брюнетка, была немного неряшливой, ее черные густые локоны в беспорядке падали на спину, а опрятные кудри блондинки слегка касались ее круглых румяных щек. Обе были симпатичными. Стройная светлокочая девушка, возможно, казалась более изящной, но блондинка с мягкими изгибами и розовой кожей – более женственной.

Первой по ступенькам спустилась блондинка, оставив брюнетку наверху. Первой, наверное, должна спуститься мисс Лейланд. Толпа неуверенно зашевелилась.

– Привет, Сэлвидж! – хриплым, низким голосом крикнула маленькая темноволосая леди, шагнув вперед, и над толпой повисла тишина. – Как насчет праздника?

«Привет?» Никаких доказательств больше не требовалось. «Лига женских радостей Сэлвиджа» – все леди как одна – двинулась вперед, чтобы окружить самую прекрасную, самую белокурую «мисс Лейланд».

Глава 2

Спустя два дня Венис, сидя в баре «Золотой жилы» перед тарелкой остывающей яичницы и постукивая пальцами по столу, смотрела на Тима Гилпина.

– Ваша мать умерла, когда вам было?.. – говорил редактор.

– Я была ребенком.

– И все же хотя ваш отец – один из самых завидных холостяков страны, память о вашей матери удержала его от повторной же...

– Довольно, мистер Гилпин, – оборвала его Венис. – Я ответила почти на все ваши вопросы. Я сделала это, твердо веря, что мои слова будут должным образом отредактированы, чтобы исключить любое нелепое представление обо мне, которое вы хотели бы создать, ибо прежде я уже становилась объектом нежных состраданий прессы. Я сделала одолжение, побеседовав с вами, и теперь ожидаю от вас того же. Где записи моего дяди, касающиеся счетов Фонда Лейланда?

– Мисс Лейланд, это вовсе не означает, что кто-то желает активно воспрепятствовать вашим попыткам разобраться в финансовом положении Фонда Лейланда в Сэлвидже, – укоризненно сказал Тим.

Венис оперлась изящными руками о стол и наклонилась вперед так, что ее нос оказался на расстоянии ладони от носа Тима.

– Мистер Гилпин, – промурлыкала она, – извините меня, если я выскажу кое-что, мало похожее на доверие к вашему убеждению, но с момента моего приезда в этот город мне препятствуют постоянно. Сначала я обнаруживаю, что дом моего дяди занят скунсом, который после вежливого выселения оставил после себя устойчивое ароматное напоминание, делающее дом совершенно непригодным для проживания. Затем, когда я ищу жилье, я нахожу, что у милых «радующихся леди» города нет ни одной кровати, которой они могли бы поделиться, и единственный найденный всеми выход – это отправить меня обратно в Денвер. Только «безнравственная» мисс Кейти Джонс с готовностью предложила мне приют.

– У нее много комнат, – пробурчал Тим. – Или по крайней мере много кроватей.

– А теперь, – не обращая на него внимания, продолжала Венис, – теперь, мистер Гилпин, я узнаю, что ни одна душа – и здесь, мистер Гилпин, я делаю огромное послабление, приписывая наличие души существам, вряд ли водящим даже шапочное знакомство с мылом, – ни одна душа в городе не имеет даже смутного представления о том, куда уехал мой дядя, где его записи или хотя бы где находится счет Лейланда!

Редактор выглядел жалким, но информацию ей выдавать не собирался.

– Мистер Гилпин, – глубоко вздохнув, изменила тактику Венис, – я никогда еще не оказывалась в таком трудном положении, разыскивая утраченные сведения.

Не торопясь, зажав в кулаке лацкан куртки Тима, Венис потащила редактора вперед, удивляясь силе, которую придала ей ее ярость.

– Почему все такие несговорчивые? – взорвалась она. – Я старалась быть любезной. Я думала... э-э... танцевальная вечеринка будет лучшим способом представить себя, но только обнаружила, что ваши «радующиеся леди» объявили мне бойкот за приглашение на праздник «нежелательных элементов» вроде мисс Кейес Кейти. Не могу сказать, что меня это заботит, мистер Гилпин. – Она моргнула, прогоняя слезы, не позволяя себе заплакать. – Не могу сказать, что заботит, – твердо повторила Венис. – Но мне кажется, происходит полное самоуничтожение. Хотя того, кто происходит из народа, сознательно выбравшего жизнь в этой зловонной, отравляющей организм чертовой дыре, едва ли можно этим удивить.

– Милая, – благоговейно прошептал Тим, – ваша манера выразиться красочнее, чем ниже белье у французской проститутки.

У Венис округлились глаза, а Тим прижал руку ко рту и поверх широкой ладони испуганно смотрел на Венис. Полминуты они сидели застыв, а затем она расхохоталась – заразительно, во все горло.

– Я знаю, – сквозь смех призналась Венис. – Это ужасная привычка. Такое происходит каждый раз, когда я раздосадована. Я просто произношу самые скверные ругательства, какие только могу придумать. Всего лишь избалованный, капризный ребенок, испытывающий приступ раздражения. Во всяком случае, – ее улыбка смягчилась, – так заявлял мальчик, которого я когда-то знала.

– Я не хотел, чтобы это прозвучало осуждающе, – поспешил заверить ее Тим. – У вас изумительные способности к журналистике.

– Я очень не люблю газетчиков, мистер Гилпин, – снова рассмеялась Венис, – поэтому не пытайтесь меня умаслить. Это я буду здесь всех умасливать.

– Я брошу работу, сожгу свой кабинет, сломаю пресс, только обещайте не менять прекрасную речь, порожденную вашим раздражением. Не меняйте ни единой фразы, ни единого слова.

– Аминь! – произнес мужской голос, который перед этим взывал к Всевышнему, и Венис резко повернула голову.

За соседним с ними столом сидел молодой человек, рукой он подпирал подбородок, его глаза блестели, и по веснушчатому лицу расплывалась блаженная, кривая улыбка.

– Вы что-то сказали, молодой человек? – спросила Венис.

– Да. Я сказал «аминь», – не смутившись, протяжно ответил юноша. Пальцем с грязным ногтем он сдвинул на затылок шляпу, открыв голову со светлыми волосами, тонкими и короткими, как шерсть новорожденного котенка.

В памяти Венис всплыл образ Слэтса, у которого была подобная стрижка. Он был чем-то похож на этого молодого человека: долговязый, нескладный, напоминающий ириску, которую слишком сильно растянули, – бледный и напряженный.

– И по поводу чего именно ты сказал «аминь», юный Фарли? – с возмущением спросил Тим.

– По поводу того, что вы говорили, убеждая эту леди продолжать ругаться. Я и половины не понял, мадам, но с удовольствием слушал. Все изысканные проклятия, произнесенные вашим хорошеньким ртом, заставили меня подать голос.

– Блейн Фарли, ты что, подкатываешь к мисс Лейланд? – строго спросил Тим.

– Нет, сэр, нет! – воскликнул Блейн и резко выпрямился на стуле, как будто его лягнул в лицо мул. – Я никогда не оскорбил бы мисс Лейланд. Никогда, клянусь.

Отчаяние юноши было столь очевидным, что Венис не могла не сжалиться над ним.

– Никто этого и не думает, мистер Фарли.

Решив, что, по-видимому, не получит от редактора никакой полезной информации – во всяком случае, сегодня, – Венис встала и стряхнула с юбки крошки.

– Надеюсь, вы сможете прийти на мой праздник... мистер Фарли.

Юноша вскочил на ноги, но Тим встал первым.

– Всего доброго вам, джентльмены, – попрощалась Венис.

Заметив, что Тим старается оттеснить Блейна в сторону, а Блейн издает звук, похожий на сердитое рычание, Венис быстро вышла за дверь.

Перед «Магазином Гранди» Венис, взявшись за столб для лошадей, спустилась с дощатого настила на дорогу и сразу на целых двадцать дюймов погрузилась в пыль, наполнявшую улицу. Топот грубых башмаков привлек ее внимание к трем женщинам, шагавшим прямо к ней, но они не остановились, а только коротко кивнули, проходя мимо.

Никто из «радующихся леди» не хотел иметь с ней дела, хотя она пыталась объяснить, что смеялась не над ними, а над собой, когда ее по ошибке приняли за Кейти. Венис не была

столь самонадеянной, чтобы рассчитывать на их дружбу, но разве просить взаимного уважения – это слишком много? Ей действительно очень хотелось устроить праздник для измученных заботами женщин и суровых мужчин этого города – пока в гостиницу «Золотая пыль» ни пришла анонимная записка, в которой говорилось, что достойные леди, независимо от того, каким состоянием владеют их семьи, не станут общаться с «женщинами дурной репутации». Мысль об этом оскорбительном послании до сих пор заставляла Венис злиться.

Гостиница «Золотая пыль», куда направлялась Венис, отличалась тем, что была единственным по-настоящему двухэтажным зданием в городе. Ее первоначальный владелец, тоскующий по родине южанин, потратил свою последнюю драхму золота на то, чтобы окружить весь второй этаж верандой в южном стиле. Венис были видны ярко раскрашенные гирлянды из перьев, свисающие как подвески с верхних ограждений, и стеганные блестками покрывала, накинутые на деревянные перила и призрачно мигающие в искрящемся утреннем свете.

Венис собиралась перейти усеянную рытвинами дорогу, когда что-то пролетело мимо ее уха, и она машинально шлепнула себя. Насекомые были неизбежностью во всех самых неприятных частях мира – в Калькутте, в Каире... в Сэлвидже. Один из паразитов с такой силой врезался в тулью соломенной шляпы, что ее поля опустились на глаза Венис.

– Проклятое чудовище. – Проворчав, Венис поправила шляпу, и вдруг что-то твердое ударило в ее пышно собранный турнюр.

Это было не насекомое.

Она обернулась, и из складок платья к ногам упал камень размером в четверть фута. Кто-то бросал в нее камни! Если бы не турнюр, то у нее был бы синяк на... Венис внимательно посмотрела кругом в поисках нападавшего. Спрятаться было негде, разве что позади огромного валуна, отмечавшего северную границу города.

Венис решительно обошла его вокруг – никого. Но ее внимание привлекли признаки того, что камень недавно долбили. От мотыги в нем образовалась неглубокая, но явно заметная выбоина. Часть углубления заполнял еще не застывший цемент – Венис наклонилась ниже, чтобы лучше рассмотреть, – из сырой смеси под странным углом торчала кость.

Венис осторожно протянула пальцы к тому, что было похоже на крошечное ребро, а затем из предосторожности натянула кожаную перчатку и несмело потянула находку. Когда она вытащила кость на свободу и бетонная смесь сырыми комьями упала с нее на гравий, Венис вздрогнула.

Она держала в руке части скелетов представителей двух различных биологических видов. Тело выглядело принадлежащим какому-то грызуну, а голова определенно была птичья, возможно, воронья. Но самым отвратительным во всем этом было то, что кто-то, пристроивший птичью голову к телу грызуна, закрепил ее проволокой, продетой через основание черепа. Проволока была почти не видна, если не перевернуть отвратительное чучело.

Где-то в этом городе прячутся злые дети. Или, возможно, приверженец какого-то странного культа, подумала Венис, и от этой мысли ее руки покрылись гусиной кожей.

– Фу! – Она бросила на землю маленький скелет и заторопилась в «Золотую пыль».

Высоко вверху, прижавшись животами к расколотой верхушке валуна, Энтон и Гарри Гранди наблюдали, как восточная девушка бросила их «ископаемое», словно это было свежее собачье дерьмо, и побежала к «Золотой пыли».

– Ну, как по-твоему, какой бес в нее вселился? – спросил Энтон, вставая на колени, когда дверь гостиницы захлопнулась. – Думаешь, она купилась?

Гарри презрительно скривился и, сняв с головы шляпу, с размаху шлепнул ею по лицу недоумка брата.

– Заткнись, Энтон! – прошипел он и, похлопав его по спине, принялся ковырять в носу. – Мне нужно кое-что обдумать.

– Привет, Венис, – угрюмо пробормотала Кейти, шурша по полу соломенным веником.
– Мисс Джонс, – вежливо поздоровалась Венис.

Бросив веник, Кейти рукавом кимоно вытерла глаза, размазав при этом вечернюю краску для век в грязную полоску, и подобрала с покрытого опилками пола мокрую, наполовину выкуренную сигару. Задумчиво покрутив ее в пальцах, Кейти достала из кармана спичку и зажгла ее, шелкнув по головке ногтем большого пальца. Затянувшись, она поймала выражение отвращения на лице Венис, но лишь пожала плечами.

У Венис уже крутило желудок от яичницы на сале, а от запаха затхлого дыма он взбунтовался. С дрожащей улыбкой она прошмыгнула мимо Кейти и поспешила наверх, в свою комнату.

Конский волос выцветшего дивана и ворс старых красных бархатных драпировок кровати сохраняли аромат последнего постояльца – сногшибательную смесь запахов бетеля и сирени, и в желудке у Венис забурлило.

Раздвинув двери на веранду второго этажа, Венис выскочила наружу и, зажмурившись, сделала несколько глубоких, спокойных вдохов. Лучше. Она медленно открыла глаза и снова моментально зажмурилась. Ранним утром «Золотая пыль» бросала длинную тень на раскинувшийся позади нее луг, где были разбросаны полосатые палатки, которые Венис заказала для праздника. На обращенной к западу веранде с нависающей крышей было темно, но отраженный от белых тентов палаток солнечный свет слепил глаза. Долетевший до Венис ветерок принес с собой благоухание высоких, заросших соснами гор и холодных как лед озер.

Какая красота, подумала Венис, переводя взгляд с ковра сочной весенней травы на сияющие, покрытые снегом горные вершины, и шагнула вперед. Так чудесно и так спокойно. Если бы только не было необходимости повернуться и встретиться лицом к лицу с шумным, пронизанным зловонием, счастливо-нищим Сэлвиджем.

Венис направилась к перилам, но, услышав звук плещущейся воды, остановилась и попятилась глубже в тень. Она не хотела встретить влюбленный взгляд еще одного мужчины. Венис была знакома с таким вниманием и избегала его.

Плеск продолжался, и через мгновение Венис встала на цыпочки, чтобы увидеть, кто это полощет горло, брызгается и плещется внизу. Она осторожно двигалась вперед, пока в поле зрения не показался угол деревянного корыта для лошадей. Еще шаг вперед – и она увидела сильные загорелые пальцы, держащиеся за растрескавшийся борт поилки. Полшага – и она увидела крепкое бронзовое запястье и длинное предплечье с натянутыми, выпуклыми мускулами под золотистой кожей. Еще шаг – и Венис остановилась, как будто на бегу получила сильный удар в живот.

Там, держась руками за борта корыта, стояло мужское существо, самое нелепое из всех, какие Венис когда-либо видела, готовое еще раз опустить голову в грязную, полную травы воду. Когда мужчина облокачивался на край корыта, по красно-коричневым мускулам, проходившим вдоль неглубокой ложбинки позвончика, прокатывались волны; от движения изношенные брюки из грубой хлопчатобумажной ткани съехали вниз, открыв контрастную светлую полоску, свидетельствующую об истинном цвете кожи, замаскированном годами пребывания на жгучем горном солнце. Мужчина выпрямился, тряхнул головой, и длинные пряди цвета тусклого золота разлетелись во все стороны, разбрасывая брызги воды по широким покатым плечам. Из легких Венис с тихим свистом вышел воздух.

Это был грек с Олимпа, сатир, языческое божество и христианский святой одновременно. Мужчина тщательно вытер полотенцем блестящую воду, стекавшую по его мускулистой груди, груди абсолютно гладкой, как отполированный металл, безусловно, такой же твердой и вдвойне привлекательной. Венис читала о влечении таком сильном, таком внезапном, что оно пугало, но она не принимала всерьез подобные рассуждения, считая их преувеличением, и оказалась не права – магнетизм незнакомца был очевиден.

Венис слегка стукнула себя по груди, надеясь заставить легкие снова задышать, и, когда незнакомец повернулся к ней спиной, воздух, который она вдохнула, удалось с тихим свистом миновать сжавшееся горло. Незнакомец изогнулся, ища что-то на земле, потом бросил на перекладину рубашку из шамбре и начал неторопливо, устало и, по мнению Венис, чрезвычайно чувственно потягиваться.

Сцепив длинные тонкие пальцы, он поднял руки высоко над головой и тянулся вверх, целенаправленно растягивая лестницу из гладких ребер сначала на одном боку, потом на другом. Натягиваясь и расслабляясь, сухожилия и мускулы под кожей танцевали по плоскому, упругому животу, играли на напряженных предплечьях.

Совершенно невозможно, чтобы такой физический идеал не обладал достойным его разумом, подумала Венис. «Пожалуйста, не опровергни это, сделав какую-нибудь глупость», – с безмолвной мольбой обратилась Венис к незнакомцу.

В течение сорока секунд она не поддавалась атаковавшим ее чувствам, а потом громко вдохнула. Незнакомец мгновенно опустил руки, слегка пригнулся и, легко повернувшись на носках, поднял лицо вверх, к яркому утреннему солнцу, чтобы осмотреть балкон.

Его лицо было так же прекрасно, как и тело. Подбородок, скулы и лоб были четко очерчены и идеально пропорциональны; из-за того, что он шурился от утреннего солнца, Венис не могла определить цвет глаз, но брови были темными, а ресницы густыми; у незнакомца был большой рот, говоривший о решительности, а над верхней губой располагалось его единственное несовершенство – нос. Хотя он имел красивую форму, но посередине когда-то был сломан и остался слегка кривым. Впрочем, это не имело значения. Нос только подчеркивал безупречность остальных черт.

– Кто там, наверху? – спросил незнакомец.

У Венис вырвался вздох, тихий звук истинного удовольствия. Голос незнакомца оказался таким же совершенным, как и все в нем: хорошо модулированный, с интригующими хриплыми нотками, окрашивающими мягкий тембр.

– Давайте же показывайтесь! – приказал незнакомец.

Венис попыталась заговорить, но у нее возникло странное ощущение, что все ее тело наполнила жидкость, и сердце, в отличие от дыхания, колотящееся в безумном ритме, казалось, не могло работать должным образом. У Венис промелькнуло опасение, не начался ли у нее какой-то приступ, так как единственное, что она, околдованная и застывшая, могла делать, – это смотреть на рассерженного незнакомца внизу.

Раздраженно заворчав, он сдернул рубашку с перекладки и принялся просовывать руку в рукав. Охваченная страхом, что он собирается скрыть это изумительно вылепленное тело, Венис совершенно бессознательно сложила губы и испустила тихий, отчетливый, откровенно восхищенный свист.

Незнакомец вскинул голову, и на этот раз Венис уловила янтарный блеск его глаз. Его взгляд двинулся по веранде в поисках ее, и настороженность на лице мужчины сменилась выражением озадаченности. А потом он продел в рукав вторую руку, и Венис вздохнула.

– Зачем вы это делаете? – тихо спросила она, не узнавая собственный низкий, протяжный горловой голос. Она понимала, что потеряла рассудок, но была не в силах остановить вырывающиеся слова. – Вы такой... такой... просто прелестный!

Слова остановили незнакомца на середине движения, он замер, и ни одна жилка не дрогнула. Потом по его лицу медленно, маняще расплылась мальчишеская улыбка, и, затрепетав от чистого восторга, Венис едва не упала на колени. Пожав плечами, незнакомец стянул рубашку и небрежно бросил ее на ограду.

– Леди, – взглянув вверх, протянул он с улыбкой, открывшей ровные белые зубы, – вы еще ничего не видели.

Глава 3

Вода в поилке для лошадей, нагревшаяся за несколько коротких часов пребывания на солнце, доставила удовольствие усталому телу Ноубла Маккэнихи, смыв верхний слой глубоко въевшейся грязи. Но ее воодушевляющее воздействие не шло ни в какое сравнение с тем, которое оказывала невидимая леди на затененном балконе. Прежде никто из женщин не свистел Ноублу. Подмигивали, кивали – если повезет, – но никогда не свистели.

То, что он оказался целью такого дерзкого заигрывания, несколько обескуражило Ноубла. На секунду перед ним возник образ матери, ирландской католички, пораженной ужасом при виде такого бесстыдства, но Ноубл не задумываясь отправил ее дух обратно в Скенектади, к ее третьему и, нужно надеяться, последнему мужу.

«Черт, – подумал Ноубл, с усмешкой глядя вверх, на темную фигуру на балконе, – быть может, я выгляжу не так ужасно, как себя чувствую?» При этой мысли его улыбка стала шире. Он спешил спуститься с гор, стремясь вернуться в Сэлвидж вовремя, чтобы успеть отправить со скоростной дорогой свой законопроект в Вашингтон. Теперь одобрение, которое хриплым шепотом произнес невидимый падший ангел над ним, каким-то образом хотело компенсировать трудности того адского путешествия.

Как казалось Ноублу, у него было две возможности: стоять здесь и с откровенным восторгом недалекого простака, считающего себя знатоком по части мужской неотразимости, наслаждаться речами, от которых любого мужчину распирает от зазнайства, или таскать свой несчастный зад по Сэлвиджу в поисках галлона колесной мази и куска шелока, чтобы вычистить, выколотить и вычесать свою шкуру. Выбор действительно был невелик, и Ноубл сделал его в тот момент, когда дама назвала его прелестным.

Ноубл понимал, что она проститутка, ведь здесь располагался бордель. Однако в этом простом свисте было что-то такое необъяснимо оригинальное и в то же время такое неожиданно чувственное. А ее голос, благослови ее душу, звучал так естественно и простодушно, как у любой девушки, вздыхающей по своей первой любви.

Какая разница, что все это спектакль? Она заставила его почувствовать себя таким же юным, как Блейн Фарли, а Ноубл уже очень-очень давно не чувствовал себя таким молодым.

Ну и будь все проклято, подумал Ноубл, наслаждаясь игрой.

Подняв правую руку, он сжал кулак, так что его бицепсы вздулись. Сосредоточенно нахмурившись, Ноубл крепче сжал кулак, стремясь, чтобы мускулы приобрели более впечатляющие размеры, и был вознагражден восхищенным, в высшей степени женским вздохом наверху. В ответ у него приподнялся уголок рта и на худой щеке появилась глубокая ямочка.

Приняв на себя непривычную роль, Ноубл поднял другую руку и, сделав глубокий вдох, сжал обе руки одновременно, так что бицепсы превратились в твердые, выпуклые эллипсоиды. Ноубл, никогда прежде не демонстрировавший себя подобным образом, украдкой взглянул на свои руки, и его темные брови взлетели вверх от изумления – неплохо для тощего, выдавшего виды отставного солдата. Совсем не плохо. Как бы в подтверждение дама снова вздохнула от удовольствия:

– Вы выглядите просто как статуя в музее!

«Ну и чертовка!» – посмеялся про себя Ноубл. Откуда только взялась эта девица? Вполне вероятно, она не поняла бы, что это музей, окажись в одном из них. Но ее голос был таким убедительным и полным благоговения, что он не смог сдержать улыбки.

– Конечно, милая, работы Микеланджело, верно?

– О да!

Его самолюбование длилось недолго. Внезапно подрагивающую мышцу правой руки пронзила острая боль. Поморщившись, Ноубл опустил руку, стряхнул овода и стал искать в памяти другие способы развлечь даму.

Единственным сильным мужчиной, которого Ноубл видел в своей жизни, был румын из передвижного цирка. Лысый гигант ломал и гнул различные предметы и демонстрировал силу, пока зазывала подсчитывал прибыль от индейского эликсира из источника мужественности кикапу.

Ноубл не собирается гнуть зубами металлические прутья, но решил, что и без этого может вспомнить достаточно, чтобы занять свою зрительницу. Он поставил руки перед грудью и, молясь, чтобы что-нибудь получилось, крепко сжал ладони.

Кое-что получилось.

Мышцы грудной клетки вздулись в резкий, выпуклый рельеф, крупные вены начали пульсировать, словно толстые веревки вились по верхней части его торса. Вверху над ним дыхание леди превратилось в стон.

Чувствуя, что мышцы на спине горят от напряжения, Ноубл повернулся, отчаянно надеясь, что его спина стоит того, чтобы на нее посмотреть. Очевидно, она этого стоила.

– О Господи, помилуй! – Это был шепот, столь полный обещания, что забота Ноубла о том, чем бы еще развлечь леди, мгновенно и решительно приняла другой уклон.

– Что скажете, дорогая? Не поиграем ли в игру другого рода?

– Другого? – удивленно переспросила она. – Хотите сказать, что есть еще?

– О, я почти уверен, что могу кое-что предложить!

– Тогда да, не возражаю.

– Милая, – хмыкнул Ноубл, – я понятия не имею, где вы научились так вздыхать, но на сцене в Чикаго вы могли бы заработать состояние.

– Господи! Уверяю, моя оценка ваших физических данных – это полная, полная правда.

Физические данные? Оценка? У девицы, должно быть, где-то под рукой словарь. Пожалуйста, придется добавить несколько баксов к ее оплате. Настоящая маленькая бизнес-вумен.

– Не могли бы вы теперь... – ее голос стал низким и соблазняющим, – сделать что-нибудь еще?

– Могу только попробовать. – Он улыбнулся еще шире.

– Правда? Прошу вас.

– Черт побери, милая, это я должен просить вас, – ответил Ноубл, удивив самого себя. Хотя ему, как любому мужчине, который провел слишком много лет без регулярного общения с прекрасным полом, нравились женщины, это будет первый раз, когда он заплатит партнерше по постели.

Взяв рубашку, Ноубл продел руки в рукава и даже не потрудился застегнуть ее, решив, что если все пойдет так, как он ожидает, то через несколько минут он ее снимет, и с ворчанием подкатил под нависающий балкон пустую бочку для дождевой воды.

– Куда вы собрались? – спросила дама.

– Не волнуйтесь, милая, я сейчас же буду наверху, – ответил Ноубл соблазнительно низким голосом, наполненным отпечатками ирландского акцента, спрятанного в медлительном западном произношении.

– Наверху? – Это был мечтательный, неопределенный вопрос.

– Да. Прямо сейчас. – Ноубл по-кошачьи вспрыгнул на перевернутую бочку, потянулся и, взявшись за низ двух стоек балконной ограды, отклонился назад, чтобы проверить, выдержат ли тонкие стойки его вес. Решив, что они ни за что его не выдержат, он ухватился за выступающие доски пола.

– Что вы делаете? – спросила явно удивленная дама.

– Иду наверх, чтобы показать вам другие вещи, которые я умею делать. Как вы просили.

– Я не просила!

– Разумеется, милая, – пробурчал Ноубл, сосредоточенно выбирая, за что бы ухватиться, чтобы у него в ладонях не остались занозы.

– Вы не подниметесь!

– Ошибаетесь, мадам, – успокоил ее Ноубл.

– Не подниметесь!

– Конечно, поднимусь. – Ноубл с ворчанием подтянулся, и его глаза оказались на одном уровне с нижней частью испачканного серебристо-синего подола. Синий – Ноубл всегда был равнодушен к этому цвету. – Видите? Вы просто поскорее идите за подушками, а я просто забираюсь... эй!

Как раз в тот момент, когда Ноубл запрокидывал голову, чтобы взглянуть вверх на даму, синий подол волной грязного кружева и испачканных атласных лент с шелестом двинулся вперед, и внезапно появившийся пыльный черный башмак без всякого предупреждения наступил прямо Ноублу на руку.

Вскрикнув, Ноубл отдернул поврежденные пальцы, перенес свой вес на другую руку. Несколько долгих мгновений он висел на одной руке, раскачиваясь в шести футах над землей, держась за доску и проклиная синий подол, а затем почувствовал, что его пальцы скользят. С последним громогласным богохульством он с грохотом свалился на бочку для дождевой воды, а потом его голова ударилась о твердо утрамбованную землю.

Несколько секунд Ноубл лежал пластом на спине, глядя, как ослепительное солнце исполняет на небе сумасшедшее фанданго. Осторожно пощупав языком уголок рта, он почувствовал солоноватый вкус крови. Наверху над ним плавно двигалась неясная фигура с длинными волосами – у нее длинные темные волосы, отметил Ноубл.

– С вами все в порядке? – обеспокоенно окликнула его дама.

Она шутит?

– Я просто... Я не хотела вас... Я совсем не думала, что вы решите... Вам не следовало... – бессвязно залепетала она.

– Простите. Скажите же что-нибудь!

– Леди, – прорычал Ноубл, вставая на колени, – вам никогда не приходило в голову просто попробовать сказать «нет»?

Наверху со стуком захлопнулась дверь.

Венис прижалась спиной к двери. Судя по его хищному, как у пантеры, взгляду, ее сто фунтов не будут большим препятствием, если мужчина решит войти. От этой мысли сердце Венис, и так уже скачущее, пустилось быстрым галопом, и она, плотно закрыв глаза, прислушивалась к мужчине внизу. Венис обнаружила, что вопреки всякому смыслу надеется, что он снова попытается забраться на балкон, – если бы только ей снова довелось увидеть игру мускулов на его длинных руках и на груди!

Услышав, что его голос – или, вернее, рычание – затих, Венис вздохнула. Ну вот, опять то же самое. Бездумно провоцирует неприятность, а потом, когда неприятность взбирается к ней на балкон, глупо удивляется.

Венис сникла. Отец был прав. Учитывая ее полностью подтвержденную документами репутацию импульсивной натуры, любой достойный, разумный мужчина будет искать ее общества не больше, чем общества бешеного бабуина. Но ведь никто не сказал, что мужчина, который только что ушел прочь, достойный или разумный. А если и так, какое это имеет значение? Он был так далек от ее мира, как те сосны на вершине горы далеки от Нью-Йорка.

Уже осталось не много времени до того момента, когда она, несомненно, выйдет замуж за одного из джентльменов, которого выберет ее отец, за кого-то из своего социального круга, за кого-то, кто повысит престиж и увеличит доходы Фонда Лейланда. Выйти замуж за такого

человека – ее долг. Помимо всего прочего, как часто напоминает ей Тревор, они оба знают, какой кошмар может получиться из брака людей разных социальных классов.

Но Венис надеялась до замужества стать членом совета Фонда, чтобы ее жизнь была наполнена чем-то ценным, а не просто бесконечной чередой скучных завтраков, чаев и балов, которые заполняют календарь многих богатых женщин. Если она не утвердится до того, как выйдет замуж, то потом у нее такой возможности не будет. Любой из мужей, как и ее отец, будет неодобрительно смотреть на ее «административные притязания» – если она к тому времени не докажет свою ценность.

Последний «скандал» неожиданно дал Венис дополнительное время. Как раз перед тем как она покинула Нью-Йорк, Тревор предупредил ее, что пройдет еще несколько месяцев до того, как появится какой-нибудь подающий надежды претендент на ее руку, готовый пойти на риск общественного самоубийства, ухаживая за ней. А это означало, что у нее есть несколько месяцев на то, чтобы доказать свои способности. У нее, возможно, есть месяцы, но лучше всего начать не откладывая.

Боясь выглянуть в окно, Венис прижала ухо к двери. Он ушел, вероятно, навсегда. Она решительно покончила с этим случаем, поклявшись больше не тратить время на бесполезные размышления, но не могла не прошептать:

– Если бы только...

– Дьявол, Маккэнихи, ты дерьмово выглядишь, – весело приветствовал Блейн Фарли Ноубла, появившегося в «Золотой жиле».

– Заткнись, Фарли, – беззлобно отозвался Ноубл, опускаясь на стул напротив более молодого человека. Мольбы матери наконец-то были услышаны, подумал он. А почему еще в проститутке вдруг проснулась совесть после того, как девица преодолела все трудности и добилась его... э-э... интереса?

По крайней мере хорошо, что не было свидетелей его позорного поражения.

– Может быть, вам, старикам, следует собрать свои шмотки и оставить эту территорию нам, тем, кто помоложе? – сказал Блейн. – Не пойму, почему ты заиклился на том, чтобы превратить эту землю в какой-то гигантский парк. Их полно на востоке, они только и ждут тебя с корзиной для пикника. А Скалистые горы – это страна исследователей и искателей приключений, а не велосипедистов. Здесь есть золото, которое предстоит найти, и я намерен получить свою долю.

– За десять лет никто не нашел в этих горах золота, дурачина. Золото закончилось.

– Скажи, Ноубл, что ты делал в горах на этот раз? Я думал, ты закончил все работы для сенаторов. Собирал ромашки?

Ноубл фыркнул.

– Давай же рассказывай, – не отставал Блейн. – Мне интересно. Правда.

– Ладно. Я подсчитывал число пород животных в определенных районах, чтобы можно было документально подтвердить популяцию. Людям, финансирующим федеральный закон, согласно которому здесь должен быть создан национальный парк, необходима текущая информация.

– Эх, да это было просто развлечение.

– Да. – Ноубл оставил без внимания сарказм Блейна. – Пока пара медвежат не разорвала мою одежду и не раскидала мои вещи по всему восточному склону.

– А я удивлялся, почему ты выглядишь как оборванец, – рассмеялся Блейн. – Значит, поэтому на тебе разодранная рубашка? Они утащили всю твою одежду?

– Угу. – Заметив взгляд крупной, полногрудой женщины за стойкой, Ноубл крикнул ей: – Принеси мне чашку кофе – и сделай настоящий кофе, Сэл, иначе я подам на тебя жалобу в суд,

клянусь Богом, я это сделаю, – яичницу из полдюжины яиц, какого-нибудь мяса, с которого не нужно соскабливать плесень, и буханку хлеба.

– Не получишь никакого свежего хлеба, получишь сухари. Не получишь ничего, кроме вяленой лососины, и не получишь настоящего кофе. А если вздумаешь ограбить меня, я сверну твою гадкую ирландскую шею. Так что не пытайся заговаривать мне зубы, Ноубл Маккэнихи.

– Ты умеешь находить подход к женщинам, – тихо захихикал Блейн, – ничего не скажешь, Ноубл. Это просто дар свыше.

– Эй, Фарли, заткнись! – Вытянув руку, Ноубл шлепнул Блейна по шляпе, так что она слетела с его головы. Увидев гладко выбритую голову своего молодого друга, Ноубл медленно наклонился вперед: – Господи Иисусе, Блейн, тебя оскальпировали!

– Не все хотят иметь такие длинные волосы, что на них можно повеситься. – Блейн густо покраснел. – В общем, пришлось. Вышло отвратительно.

Помахивая пальцем перед носом Блейна, Ноубл поучительно прошептал:

– Я предупреждал тебя о непристойных домах, Блейн. Отчетливо помню, что предупреждал.

Лицо Блейна стало пылающим, кроваво-красным. А Ноубл просто громко расхохотался:

– Послушай, сынок, если все, что ты унес из той постели, – это нежелательная небольшая семейка, то ты довольно легко отделался.

Подойдя вперевалку, Сэл со стуком поставила на стол две кружки, от которых поднимался пар, и, не останавливаясь, пошла дальше.

– Ноубл, – Блейн наклонился вперед, – я больше никогда не пойду ни в одно из таких мест.

– Да? – Ноубл поморщился, когда крепко заваренный напиток обжег ему горло. – Почему? Одна из девиц захихикала в неподходящий момент? – У Ноубла возникла мимолетная мысль о собственной таинственной пташке.

– Я влюбился, – с глубоким вздохом признался Блейн.

«О, опять!» – подумал Ноубл. Засунув в рот последний кусочек хлеба и брезгливо стряхнув крошки с пальцев, он, вытянув шею, осматривал комнату в поисках Сэл.

– Я на самом деле влюблен.

Несколько секунд Ноубл разглядывал стоявшую перед ним пустую тарелку.

– Сэл! Что случилось с вяленой лососиной?

– Правда, серьезно влюблен.

– И было бы просто превосходно, если бы сейчас кто-нибудь снова наполнил мою кружку этой бурдой, которую вы в шутку называете кофе.

– Эй, закрой рот, Маккэнихи! – прогремел из задней комнаты голос Сэл. – У меня есть и другие посетители, которых нужно обслужить.

– Вот как? И кто же? – выкрикнул в ответ Ноубл. – Здесь нет никого, кроме Фарли и меня, и если...

– Ноубл, я сказал, что влюблен!

Ноубл раздраженно нахмурился:

– Я с первого раза услышал тебя, Блейн. Я не глухой. – Сложив ладони у рта, он заорал: – И еще пару яиц! – Повернувшись обратно к Блейну, Ноубл поставил локти на стол, сложил пальцы домиком и сосредоточил все свое внимание на молодом человеке. – Итак, как ее зовут? Трикси? Зайчонок Сью?

– Нет, Ноубл, она не такая. Она леди. Честное слово, настоящая леди.

– Ну что ж, я счастлив за тебя, Блейн. Это правда. Пригласи меня на свадьбу, и я буду твоим шафером, но сначала я должен доставить на станцию этот отчет. Ты не знаешь, когда отправляется поезд?

Блейн смотрел на Ноубла с таким явным замешательством, что тот рассмеялся:

– Да ладно, Блейн. Когда я встречаюсь с тобой, ты каждый раз влюблен. Сеньорита Бьянка, Дженни Прайс, Лола ля Рю...

– На этот раз ничего подобного, – мрачно ответил Блейн.

– Прекрасно. Позже сможешь рассказать мне все об этом образце совершенства. – Блейн испустил глубокий мелодраматичный вздох, и Ноубл сдался: – Хорошо, Блейн, твоя взяла. Как зовут маленькую леди?

Подперев рукой подбородок и подавшись вперед, Блейн затуманенным взглядом взглянул на Ноубла:

– Мисс Лейланд. Мисс Венис Лейланд.

Когда-то Ноубл получил удар в солнечное сплетение. Он был захвачен врасплох, и на несколько ужасных секунд удар полностью парализовал его: мускулы дрожали, но отказывались подчиняться его воле, воздух вышел из легких, и они не способны были снова наполниться, он чувствовал себя абсолютно бессильным, беззащитным и уязвимым... как сейчас.

Венис. Воспоминаниям было уже десять лет, но они все еще причиняли боль.

Глава 4

– Венис здесь, в Сэлвидже? – Произнесенные шепотом слова слетели с губ Ноубла против его воли. – Где они остановились?

– «Они»? – в явном недоумении переспросил Блейн.

– Венис и Тревор. Где они?

– Я не знаю никакого Тревора. Мисс Лейланд – или Венис, как ты сверхнеуважительно называешь ее, – прибыла сюда в полном одиночестве.

– Венис здесь одна?

Блейн коротко кивнул.

– Ладно, Блейн.

– Ноубл, ты должен увидеть ее, – прошептал Блейн. – Парни сидят и ждут, чтоб хотя бы мельком взглянуть на нее.

Они хвостом тащатся за ней, когда она прогуливается по улице...

– Прогуливается? Черт побери! – Но ничего не поделаешь. Ноублу всегда хотелось хорошенько отшлепать Венис, а сейчас при мысли, что какой-то парень улюлюкает ей вслед, все мышцы в его руке напряглись, словно он искал, что бы ударить.

– М-м-м... – Обхватив рукой подбородок, Блейн смотрел в окно, как помешанный теле-нок. – Мисс Лейланд двигается, как пушинка, плывущая по спокойному озеру.

Ноубл стиснул зубы.

– У мисс Лейланд голос, как... как... ну, не знаю, как сказать, но он навевает мысль о смеющихся ангелах.

– Блейн, сейчас же положи конец своей безрассудной страсти, – посоветовал ему Ноубл. – У этой леди так же много общего с ангелом, как у меня со святым. Малыш, ты не сможешь купить даже ее носовой платок, ты не в состоянии купить мыло, которым она мылась. Никогда, никоим образом.

– Ноубл, я знаю, ты намного сильнее меня. – Слова Блейна звенели от волнения. Он, наморщив лоб, угрожающе посмотрел на собеседника, встал и на негнущихся ногах обошел вокруг стола. – Ты можешь одолеть меня одной рукой. – Ноубл недоуменно смотрел на стоящего возле него дрожащего Блейна. – Но я не буду считать себя мужчиной, если не сделаю этого!

Юноша выбросил вперед кулак, который, косо скользнув по расслабленному подбородку Ноубла, отбросил назад его голову.

Ноубл вскочил на ноги, опрокинув свой стул, и одним рывком поднял Блейна на цыпочки. Блейн открыто, со смесью мужества и страха в светлых, юношеских глазах, встретил его взгляд.

Ноубл выпустил из рук воротник Блейна и развернулся. Проклятие! Блейн считал себя каким-то рыцарем в сияющих доспехах, защищающим свою прекрасную даму.

– Если ты, Блейн Фарли, когда-нибудь – хоть когда-нибудь – еще раз ударишь меня, я зарюю тебя в землю.

Тихий свист воздуха свидетельствовал о том, что Блейну стало легче.

– Я не хотел тебя бить, Ноубл, – угрюмо сказал он, – но мужчина не может допустить, чтобы бессовестно порочили имя благородной леди.

– Порочили? Бессовестно? – пролопотал Ноубл. – Блейн Фарли, ты необъезженный осел! Я, когда был мальчишкой, жил с Лейландами. Моя мать служила у них кухаркой. Я вытирал нос Венис Лейланд, когда она была еще так мала, что не умела делать это сама. Если я не могу сказать, что знаком с ней, то не знаю, кто тогда знаком!

– Ты жил в доме мисс Лейланд? Боже правый, – благоговейно прошептал Блейн. – Ты действительно жил в доме мисс Лейланд? Какая она была? Держу пари, она была очаровательным ребенком.

– Какая она была? – повторил Ноубл, потирая ушибленный подбородок. – Ты еще спрашиваешь, «какая она была»? А как насчет «Знаешь, Ноубл, я страшно виноват, что ударил тебя в лицо»?

– Да, конечно, все, что угодно, – охотно согласился Блейн. – Так все же: какая она была?

– Любопытная не в меру, лезущая не в свои дела малышка, всегда задающая вопросы и интересующаяся, какой высоты высота. – Он не мог сдержать улыбки при воспоминании о покрытом сажей лице десятилетней Венис, пытавшейся узнать, как Санта-Клаус спускается по дымоходу. Но это было тогда. Целую вечность назад. – Хватит, Блейн. Достаточно сказать, что и тогда она создавала так же много неприятностей, как теперь.

– От нее нет никаких неприятностей. Она самая добрая, самая очаровательная... ничуть не надменная. Она устраивает праздник для всего этого мерзкого города и по этому поводу заказала целый поезд товаров. На лугу уже установлены палатки на случай дождя.

– Венис устраивает праздник? Зачем? Что вообще она здесь делает?

– Ну, люди подозревают, – многозначительно отозвался Блейн, – что она прибыла проверить, нашел ли старина Милти что-либо из тех костей, которые он все время ищет, и, если нет, закрыть скоростную дорогу. Она ходит повсюду и расспрашивает обо всех бухгалтерских книгах скоростной дороги, о счетах ее дяди и обо всем таком прочем. Правда, ей пока не повезло получить что-либо ценное.

– Каким образом это связано с ее намерением устроить праздник?

– Предполагают, что она просто чувствует себя виноватой в том, что ей, возможно, придется сделать с железной дорогой. Разве это не здорово?

– Просто чертовски грандиозно. – Очевидно, склонность Лейландов к покупке сторонников не закончилась на Треворе. – Где она?

– В «Золотой пыли». – Блейн, поджав губы, виновато оглянулся по сторонам, как будто лично провожал ее в гостиницу.

Ноубл был уверен, что неправильно понял Блейна.

– Ну да, в «Золотой пыли», – в ответ на молчание Ноубла повторил Блейн. – Понимаешь, произошло маленькое недоразумение между мисс Лейланд и кое-кем из «Лиги радостей».

– Вот как? – Почему это не удивило его?

– Ну, они почему-то приняли мисс Лейланд за новую мадам, а когда мисс Лейланд поняла их ошибку, она... она рассмеялась. Нет, она вовсе не сделала из них посмешище, – поспешил уточнить Блейн.

– Позволь мне разобраться по порядку. Венис приезжает в город, и ее сразу же по ошибке принимают за проститутку. Вместо того чтобы оскорбиться, как, несомненно, поступила бы нормальная достойная леди, она находит это смешным. Затем она решает устроить в городе праздник, чтобы компенсировать закрытие скоростной дороги.

– Угу, только «радующиеся леди» не придут, потому что мисс Лейланд пригласила и всех городских девчонок тоже.

– Черт!

– Вот так, Ноубл, она сняла комнаты у владелицы «Золотой пыли». Вряд ли она могла поступить по-другому, – рассудительно заметил Блейн.

– Она сняла комнаты в борделе?

– Это только считается борделем. – Блейн сдержал вздох. – Кейти Кейес не вмешивается в дела девушек. Они сами все делают.

Ноубл старался оставаться спокойным, он пытался разобраться, но у него пульсировал подбородок, его тело нестерпимо зудело, ребра болели, и не было никакого желания отправляться в «Золотую пыль».

Отправляться в «Золотую пыль»? Он не хотел идти в «Золотую пыль». Но он ведь должен пойти туда, разве нет?

Нет.

Он ей не защитник. Он ей больше вообще никто!

Ноубл сердито полез в карман и, вытащив скомканную бумажную купюру, бросил ее на стол.

– Почему она не остановилась в доме своего дяди?

– Туда забрался скунс и отменно провонял весь дом. И, Ноубл, мне очень неприятно об этом упоминать, но от тебя самого пахнет немногим лучше.

– Знаю! – огрызнулся Ноубл и, развернувшись, быстро направился к двери. Будь все проклято! Кого он обманывает? Он давным-давно понял, что бессмысленно сопротивляться этой... этой потребности заботиться о Венис.

– Ты куда?

– Я найду Венис Лейланд и выброшу ее из борделя, из Сэлвиджа и из своей жизни!

– Мадам, не окажете ли любезность передать мисс Лейланд, что ее хотят видеть? – обратился Ноубл к блондинке за стойкой.

– Кейес Кейти, – представилась блондинка, опершись одной рукой о стойку и положив другую руку на бедро. Она наклонилась вперед, и из ее расшитого бисером лифа показались мягкие холмики груди.

– Кейти, – вежливо произнес Ноубл, – я хотел бы видеть Венис Лейланд.

– Ну да, парень, и ты, и все остальные особи в брюках. – Она еще сильнее наклонилась вперед, чуть не вывалившись из верхней части платья. – Правда, ты выглядишь немного привлекательней, чем большинство жаб, проложивших сюда дорогу. – Потянувшись, она провела пальцем по его подбородку, но Ноубл, улыбнувшись, покачал головой:

– Скажите, что с ней хочет повидаться старый друг ее семьи.

– Ты? – Нахмурившись, Кейти выпрямилась и разгладила морщины на платье. – Друг Лейландов? – Она фыркнула. – Ты, случайно, не шутишь надо мной? Если это не так, то Венис просто вежливо пошлет тебя ко всем чертям. Она леди, ты же знаешь. – В этом заявлении гордость боролась с раздражением.

– Я не шучу.

– Что ж. – Кейти нагнулась и достала из-под стойки бутылку хлебной водки и стопку. – Выпей, пока ждешь. Здесь нет другого зала.

Повернувшись, она пошла через бар к лестнице, и при каждом шаге агатовые бисеринки подпрыгивали на округлых изгибах ее тела.

Вытащив из горла бутылки тряпичную затычку и налив себе на два пальца виски, Ноубл взглянул в огромное зеркало позади стойки. В нем отражался обожженный солнцем, обветренный мужчина в выгоревших, грубых хлопчатобумажных брюках и грязной, заплатанной дешевой рубашке – мужчина, который выглядел напуганным, как новобранец в первый день службы в армии. Какого черта он не принял ванну перед тем, как отправиться сюда?

Услышав, как позади него отворилась дверь в гостиницу, Ноубл снова взглянул в зеркало, чтобы узнать, кто пришел, и тотчас зажмурился.

Переступив порог, посетитель остановился, опираясь на трость с серебряным набалдашником. Он был одет в коричневые, но не очень темные брюки и дорожную на вид спортивную куртку из твида, а его черные волосы блестели так же, как и смазанные макасаровым маслом

пышные усы. Небрежным взглядом окинув зал, он остановил его на Ноубле и от удивления выпучил глаза.

– Маккэнихи, – с гнусавым бостонским выговором заговорил посетитель. – Почему я не удивлен, встретив тебя здесь, в таком ужасном месте? – Сняв шляпу, он обвел ею комнату.

Повернувшись кругом, Ноубл несколько мгновений рассматривал темную жидкость на дне стакана, а потом шумно глотнул.

– Не знаю, Торни, – в конце концов ответил он. – Быть может, ты искал меня? – Он оперся локтями о стойку у себя за спиной.

– Я вижу, ты забыл все, чему тебя учили. Пустая трата великолепного образования. То есть Йеля. – Кассиус Торнтон улыбнулся.

Ноубл помрачнел, словно смутился.

– Не уверен, Торни, – преувеличенно протяжно сказал он. – Диплом Йеля дал мне работу.

Кассиус позволил себе слегка заметно передернуться.

– Чтобы водить джентльменов в экспедиции, не нужно иметь университетское образование, дружище. Индейцы всю жизнь этим занимаются. Да, правда, считается, что ты выполняешь определенную работу для смитсоновцев.

– Торни, – Ноубл положил руку на грудь и в шуточной признательности кивнул, – ты прошел через все трудности, чтобы убедиться, что я жив? Не знал, что ты такой заботливый! Польщен до глубины души!

Кассиус сжал губы в тонкую линию.

– Я просто случайно услышал о твоём занятии, и это поразило меня, как может поразить любая странность. Так же ты вел себя и в Йеле. Ирландский выскочка. Все профессора насмеялись над тобой. Но ведь если научить собаку говорить, то какая разница, что она говорит?

Единственным признаком ярости Ноубла была светящаяся искра в глубине его янтарных глаз, горевшая ярко, как огонь. Ноубл снял каблук левого башмака с перекладины стойки, Кассиус отступил назад, и Ноубл оттолкнулся от барной стойки. Его сухощавое тело неторопливо распрямилось, и он молниеносно, как пантера, оказался на расстоянии фута от Кассиуса.

Ноубл смотрел на Кассиуса, гипнотизируя его силой своего взгляда, а потом медленно наклонился вперед, и у Кассиуса на лбу выступили мелкие капли пота. Со злорадной улыбкой, искривившей уголок его рта, Ноубл наклонился еще ближе, и по плотному телу Кассиуса пробежала дрожь.

– Р-р-р! – тихо зарычал Ноубл.

Кассиус отшатнулся, а Ноубл засмеялся.

– Ты невыносим! – воскликнул Кассиус. – Лучшее доказательство твоего низкого происхождения.

Повернувшись к нему спиной, Ноубл вернулся к стойке и своему недопитому спиртному.

– Где владелец этого заведения? – зашумел Кассиус. – Хозяин! Бармен!

– Мисс Джонс ищет одного из своих... постояльцев. Она сейчас спустится, – ответила ему дама.

Ноубл скользнул взглядом по зеркалу, и сердце у него остановилось – наверху лестницы стояла Венис.

Она казалась черно-белой – тень и свет – на фоне темных бархатных портьер неосвещенного коридора. Благодаря платью целиком из кремового кружева, на темно-сером шелковом чехле ее тело казалось помещенным в сетчатый футляр; кожа была почти опаловой; волосы, полуночное облако, собраны в свободный узел на изящном затылке; глаза – Боже, ее глаза остались теми же! – неопишемого оттенка сумерек, словно ртуть, поглощающие свет. Венис всегда была скорее прекрасной, нежной зарисовкой утонченности и изысканности, чем законченным портретом. Теперь милый маленький птенчик превратился в красивую горную ласточку.

Пока Венис спускалась по лестнице, Ноубл заставил себя расслабить руку, сжимавшую стопку, и сделал глубокий вдох.

– О, вот это сюрприз! Я никак не ожидала увидеть вас здесь... – голос Венис был удивленным, лишенным естественности, холодным; Ноубл старался придумать, что сказать, и как-то ответить на ее приветствие, как-то легко, непринужденно, – мистер Рид.

Взгляд Ноубла взлетел к зеркалу. Стоя на последней ступеньке, Венис гостеприимным жестом протягивала руки в перчатках, а Кассиус, сумевший совладать со своим гневом, склонился к ней.

– Что вы здесь делаете? – спросила Венис.

– Что я делаю здесь? Ну, спасаю вас от неминуемой скуки, дорогая леди.

Ноубл осознал, что внимательно прислушивается к разговору. Он всегда полагал, что Кассиус такой же, как все остальные из их племени: порочный, злорадный, но, в общем, безобидный. Но быстрый переход Кассиуса от гнева к полной невозмутимости был слишком резким. Это встревожило Ноубла, наведя на мысль о том, что Кассиус скрывает от Венис свою истинную натуру.

– Общие друзья рассказали мне о вашем решении поехать на запад. Меня это, конечно, не удивило. Если бы mon pere¹ решил в эти дни стать в Нью-Йорке всеобщим посмешищем, я бы тоже захотел уехать. Необходимость заискивать перед вдовствующими старыми дамами на приемах – это просто тоска зеленая.

– Это не совсем мое решение. – Венис говорила спокойно, но в ее голосе чувствовалась легкая напряженность. – Меня отослали, чтобы больше не появлялось никаких специально сфабрикованных статей обо мне. Похоже, я стала каким-то источником неприятностей.

– И какое вам дело до того, что думают о вас люди? – сказал Кассиус. – Могу поспорить, вам просто нравится показывать им нос – он к тому же чертовски симпатичный.

Одним небольшим глотком проглотив последние капли виски, Ноубл отставил стопку и, вытирая губы тыльной стороной руки, взглянул вверх. В глубоком потрясении широко раскрытыми серыми глазами смотрела Венис на него из зеркала. Их отраженные взгляды встретились и задержались, Венис сделала короткий шаг вперед и остановилась.

– Что ж, милая, вы, несомненно, выглядите много лучше, чем в нашу последнюю встречу, – сказал Ноубл ее отражению и почувствовал порочное удовольствие, когда ее руки взлетели к тщательно уложенным волосам.

– Вы? – Это был шепот.

– Угу. Я. – Ноубл повернулся.

– Я понимаю, что вы должны обо мне думать. – Она запнулась. – Но на самом деле я не такая...

– Мне наплевать, такая вы или не такая. – Ноубл был удивлен, поняв, что говорит правду. Какой бы она ни стала, она была единственным светлым пятном в сером, грязном мире его юности. И он не понимал, что Венис оставила в нем пустое место, пока она не вернулась, чтобы заполнить его.

Она побледнела. Влекомый к ней, Ноубл шел через зал, пока не остановился на расстоянии фута. Венис качнулась вперед, ее губы слегка приоткрылись, но не произнесли ни слова.

Ноубл улыбался. За прошедшие десять лет Венис не стала выше ростом. Она все еще была миниатюрным, волшебным созданием, которое так же легко погубить, как лепесток розы. Она откинула голову назад, и он попал в плен ее серебристых глаз.

– Где мои манеры? – пошутил он и, взяв ее мягкую руку, поднес к губам. Запечатлев жгучий поцелуй на гладкой холодной коже, он заглянул прямо в дымно-серые глаза. – Здрав-

¹ Мой отец (фр.).

стуйте, дорогая. – Старое нежное приветствие слетело с его губ, и за одно мгновение на щеках Венис появился и исчез слабый розовый румянец.

Ноубл даже не отдавал себе отчета, что поднял вторую руку, пока не увидел, что его пальцы находятся в доле дюйма над мягкими, блестящими завитками у виска Венис. Он сглотнул и осторожно убрал шелковую массу от нежной кожи. Венис, как полудикий котенок, осторожно потянулась к его несмелой ласке.

– Как ты смеешь касаться ее?!

Глаза Венис тревожно раскрылись, и ее взгляд испуганно устремился за плечо Ноубла.

– Мистер Рид! Нет!

Опустив руку, Ноубл отвлекся от Венис и обернулся.

Позади него, угрожающе держа трость, стоял Кассиус, и его усы дрожали от негодования.

– Наглый прохвост!

– Уйди, Рид, – резко сказал Ноубл, шагнув к нему.

– Не беспокойтесь, мисс Лейланд. – Кассиус поднял над головой твердую полированную трость. – Я научу этого грубияна уважать леди! После того как я с ним разделаюсь, он больше не посмеет приблизиться к вам.

Тяжелая прогулочная трость двинулась в сторону Ноубла, но он с рычанием поймал ее на середине пути. Вырвав трость из руки Кассиуса, Ноубл швырнул ее через зал и мгновенно нацелился кулаком в подбородок противника.

Ноубл пристально смотрел на застывшего Рида. Этот сопляк не стоил синяков на косточках пальцев. Выругавшись, Ноубл схватил Рида за плечо, развернул кругом и толкнул в том же направлении, куда отправил дурацкую прогулочную палку. Зацепившись за стул, Кассиус с размаху упал на пол, а Ноубл, тяжело дыша, снова повернулся к Венис, которая с непроницаемым выражением на милом личике смотрела на него не отрываясь.

– Сегодня я уже получил свою порцию неприятностей, дорогая, – мягко сказал Ноубл. – Меня побили, наступили на руку, а теперь я едва не получил тростью от этого осла, и все из-за вас. Надеюсь, вы это цените?

– Нет. То есть я хочу сказать, что ценю, только не в том смысле, как вы это понимаете. Я действительно не такая, как вы обо мне думаете, – сказала Венис.

– Дорогая, вам незачем оправдываться передо мной. Я думал, что все те газетные статьи, которые я читал о вас, изменят мои чувства, но этого не произошло. Мне наплевать и на них, и на то, кем вы себя считаете. – Боже, помоги ему, это правда! – Все, что я знаю, – это то, что вы здесь и что последние десять лет я, по-видимому, провел, ожидая вас.

– Господи! – воскликнула Венис. – Как вы можете говорить такое?! Вы меня даже не знаете!

Она, должно быть, имела в виду, что он не знает, какая она теперь, но она ошибалась.

– Я знаю вас, как знаю биение своего сердца.

– Откуда? – В вопросе прозвучала странная безысходность, словно она слышала что-то, во что ей хотелось верить, но она боялась позволить это себе. – Из каких-то газетных статей?

– Не только из них, и вы это знаете.

– Кто вы?

– Что?

– Кто вы? Пожалуйста, скажите.

Даже при нырянии в горное озеро не так перехватывает дыхание.

– Это парень, о котором я вам говорила. Он сказал, будто является старым другом вашей семьи, – ответила Кейти с верхней площадки лестницы.

Венис не узнала его, понял Ноубл. У него возникло странное ощущение, как будто все тело превратилось в камень, а внутри он рассыпался на тысячи смертоносных, пронизывающих осколков. Ноубл не отводил глаз от макушки Венис, не в силах взглянуть ей в глаза.

Она его не узнала. Но она не возразила против его прикосновения – прикосновения обоженного солнцем, худого незнакомца.

– Вы друг моего дяди? – спросила Венис.

«Растяни губы в улыбке, парень».

– Угу. Друг Милта.

Ответ, по-видимому, успокоил Венис, потому что на ее бледно-розовых губах расцвела улыбка. У нее всегда была изумительная улыбка, а теперь она была по-настоящему ослепительной.

– Очень сомневаюсь в этом, – презрительно усмехнулся уже успевший подняться Кассиус; держась за бок, он опирался на стол и с жадностью следил за разговором. – Того, кто водит в горы стадо вьючных мулов, едва ли можно расценивать как друга. Ваш дядя никогда не стал бы общаться с грязной чернью.

– Он вовсе никакая не чернь, – объявил позади Ноубла преданный голос.

Господи, как раз то, чего ему не хватало, – полного зала публики!

– Иди домой, Блейн.

– Дома нет, нет даже комнаты на эту ночь. Добрый вечер, мисс Лейланд. – Блейн остановился перед предметом своего поклонения. – Видите, мой приятель нашел вас. Наверное, это был настоящий сюрприз...

– Заткнись, Блейн.

Холодная повелительность в голосе Ноубла заставила Блейна замолчать.

– Но я думал, что...

– Я сказал, Блейн. Ни слова.

– Не сомневаюсь, что ваш дядя обычно нанимает кого-нибудь, способного провести его через глухие районы страны, – говорил Кассиус, словно не расслышав Блейна. – Насколько мне известно, он ходит в какой-то довольно дикий, не отмеченный на карте район, и только поэтому ему нужен проводник-головорез.

– Нанимает? – переспросил совершенно обескураженный Блейн.

– Да, нанимает. Платит деньги, чтобы получить определенные услуги, – ответил Кассиус. – Как же, друг семьи! Впрочем, не важно.

– Что вы имеете в виду, мистер Рид? – спросила Венис.

– Очевидно, ваш дядя потчевал этого парня рассказами о вас. Наверное, зная, что вы здесь одна, без сопровождения, Милтон нанял его, чтобы обеспечить вам безопасность – своего рода телохранителя.

– Милтон вообще не знает, что я здесь. – Венис в недоумении вопросительно посмотрела на Ноубла.

– Но если он и сделал это, – продолжал Кассиус, словно не слышал слов Венис, – то только потому, что не знал, что здесь будет кто-то из вашего круга и сможет обеспечить вам все удобства. – Он пожал плечами. – Итак, теперь мы больше в нем, – он указал на Ноубла, – не нуждаемся.

Скривив губы, Ноубл вернулся к стойке и к виски.

– Но как дядя Милтон мог узнать, что я здесь?

– Возможно, я ошибаюсь, – небрежно пожал плечами Кассиус. – Какое это имеет значение? Что же касается меня, то я обещаю, дорогая леди, что мы замечательно проведем время.

Тон Кассиуса показался Ноублу масляным, на что-то намекающим. Рука, в которой Ноубл держал стакан, задрожала, и ярость, холодная и жестокая, запульсировала в его жилах. «Без сопровождения. Замечательно проведем время». Пресыщенная, легкомысленная, распущенная девица.

Венис взглянула туда, где стоял Ноубл. Заметив, что Венис смотрит на него, он выпрямился.

– Похоже, вас ждет много веселья. – В словах Ноубла прозвучала горечь, и от его интонации от щек Венис отхлынула кровь.

Ноубл направился к двери, остановившись по дороге лишь затем, чтобы шепнуть совершенно сбитоному с толку Блейну:

– Если ты скажешь ей, кто я, от тебя не останется ни кусочка.

– Но почему?

– Даже у ирландского прохвоста есть капля гордости, Блейн, мой мальчик. А кроме того, она довольно скоро сама все узнает.

Глава 5

– Милая, вы можете объяснить мне, что происходит? – спросила Кейти, войдя вслед за Венис в комнату, которую сдала ей.

Венис, не говоря ни слова, опустилась на край кровати.

– Почему вы побледнели, когда увидели этого длинноволосого парня? И кто тот, другой? – засыпала ее вопросами Кейти.

– Думаю, он рассердился на меня. – Венис почувствовала, как жар заливает ей щеки.

– Он – это кто? Длинноволосый?

Венис кивнула.

– Я уверена, что он ошибочно принял меня за женщину легкого поведения, а так как я... э-э... вывела его из этого заблуждения, то, думаю, он рассердился на меня.

– Ну и с какой стати ему думать, что вы из таких девиц? Он что, слепой? – раздраженно спросила Кейти.

– Ну, у него, возможно, есть некоторое основание для неправильного представления. – Венис поморщилась. – Я свистнула ему.

У Кейти от изумления открылся рот.

– Так я вам и поверила. Не говорите, что это правда!

– Правда. – Искорка, которой в последний час не было в глазах Венис, вспыхнула снова.

– Здесь? Как? Зачем? Ладно. «Зачем?» не спрашиваю. У меня тоже есть глаза.

– Этим утром я была на балконе, а он – у лошадиного корыта. Он мылся и был без рубашки. Потом он начал надевать ее, а я... я просто присвистнула. Я не собиралась этого делать. А когда он взглянул вверх, я назвала его прелестным.

Ошеломленное выражение на лице Кейти выглядело так нелепо, что невозможно было удержаться от смеха. Венис сначала улыбнулась, потом захихикала, а потом дала смеху полную волю, и через мгновение Кейти тоже рассмеялась.

– Прелестным? Вот это да. – Кейти вытерла глаза. – Я как только не называла симпатичных мужиков, но прелестными – никогда. Что он делал?

– Он улыбался. А потом делал что-то, от чего все мышцы его тела вздувались и становились отчетливо видны. – Венис вздохнула. – Это было изумительно.

– Вам лучше знать, – с сомнением заметила Кейти. – Но он делал это для вас? – покладисто добавила она.

Венис этого не отрицала.

– Я даже не знаю его, и все же у меня возникают самые невероятные ощущения, когда я смотрю на него. Он заставляет меня чувствовать... – Она в растерянности запнулась и попробовала сказать по-другому. – Происходят чрезвычайно странные вещи. У меня во рту пересыхает, кожа горит, кончики пальцев – всех – начинает покалывать. Мне кажется, я не могу дышать, и это просто ужас!

– Да, это страшная минута. Милая, вы никогда прежде не хотели мужчину? – спросила Кейти.

Венис раньше не слышала такого выражения, но смысл слов Кейти был совершенно ясен.

– Никогда.

– Господи, милая, сколько же вам лет?

– Двадцать два года.

Кейти вскочила на ноги и сердито посмотрела на Венис:

– Это просто невероятно и неестественно!

– Простите.

Выражение растерянности на лице Венис почти полностью погасило женское негодование Кейти.

– Ах, детка, вам нужен мужчина! Отчаянный парень. К счастью, еще не поздно все исправить. Будь я на вашем месте, я бы сделала это как можно скорее, иначе ваше тело просто зачухнет, так и не узнав, чего лишилось.

– Что вы советуете мне сделать? – против собственной воли любопытствовала Венис.

– Вернуться в Нью-Йорк, самой выбрать какого-нибудь франта из высшего общества и выйти за него замуж.

– Такого, как Кассиус Торнтон Рид? – грустно улыбнулась Венис.

– Это второй парень? Тот, что в красивых шмотках? Конечно, если это то, чего вы хотите.

– Хочу? Хотеть не имеет ничего общего с замужеством, не так ли? – Венис не ждала ответа. – Я не чувствую такого к мистеру Риду. Я никогда не чувствовала ничего подобного – ни к кому!

– Дьявол! Вам нужно выбросить из головы все мысли о браке с этим грубым беспечным бродягой.

– О браке? – повторила Венис. – Я сказала, что нахожу его чрезвычайно... волнующим. Я ничего не говорила о том, чтобы выйти за него замуж.

– Такие, как вы, девушки из высшего класса, не ложатся в койку с парнем, если у них нет на пальце золотого обручального кольца. Это была бы чертовски большая ошибка, даже если предположить, что вы сможете убедить независимого бродягу жениться на вас. Правда, учитывая ваш особый талант, я не сомневаюсь, что вам это удастся.

– Я понимаю, что это было бы ошибкой, – тихо признала Венис.

– Хорошо. Иначе вы просто остались бы несчастной, как я с этим неудачником Джозайей, моим мужем. От попытки скрестить лошадь с ослом получаете мул... уродливый, жалкий и бесплодный. – В словах Кейти чувствовалась давнишняя печаль, но, презрительно усмехнувшись, она продолжила: – А когда вы обвенчаетесь, уже нельзя будет разойтись. Брак – это навсегда.

– Всегда существует развод.

– С моей точки зрения, это хуже смерти. Нет, – твердо объявила Кейти. – Брак – это навсегда, а всегда – это слишком долго, чтобы платить за кувыркание в стоге сена. Просто держитесь людей своего типа, и все будет прекрасно.

– Но что же мне, по-вашему, делать, мисс Джонс? – тихо отозвалась Венис. – Людей моего типа просто не существует. И в Нью-Йорке я для всех такая же странная, как в Сэлвидже. В лучшем случае люди считают меня эксцентричной. Я странная, – тихо и грустно повторила Венис. – Я, видимо, не способна находить удовольствие в том, чем занимается большинство женщин, – в празднествах, чайных приемах и музыкальных вечерах. Я хочу видеть то, чего еще никто не видел. Я хочу делать открытия: найти исток Нила и новую разновидность птиц, узнать высоту самой высокой секвойи и отыскать кости доисторического животного.

– Так в чем дело? Делайте это. С вашими деньгами, Венис, вы, вероятно, могли бы купить новое название для Ниагарского водопада.

– Существует одна загвоздка, – сказала Венис, сердясь, что не может заставить Кейти понять ее. – Мужчины, которых представляет мне отец, считают прогулку по Центральному парку захватывающим приключением. Все, о чем они думают, – это акции, ценные бумаги, железные дороги. Да, – она подняла руку, чтобы остановить возражение Кейти, – я знаю, у меня есть долг. Долг выйти замуж за кого-то, кто будет прекрасным партнером в управлении Фондом Лейланда. Существуют благотворительные мероприятия, от Фонда зависит ряд организаций и обществ – я все это знаю. – Она опустила руку и едва заметно вздохнула: – Поверьте мне, мисс Джонс, в вашей полной благих намерений лекции по поводу брака нет необходимости.

Никто лучше меня не знает, насколько пагубны последствия брака по любви. Мне просто хотелось бы... Впрочем, какое это имеет значение? – Криво улыбнувшись, она покачала головой: – Но он определенно прелесть, правда?

– Кто-нибудь может дать мне какую-нибудь тряпку? Мне в глаза попало мыло! – закричал Ноубл из кладовой в задней части «Магазина Гранди».

Перегнувшись через борт бадьи, в которой сидел скрючившись, он попытался на ощупь найти полотенце. Вероятно, ничто не смоет чувство неполноценности, которое по доброте душевной в нем воспитали Лейланды, но Гранди по крайней мере не собирались пользоваться своим преимуществом. Будь он проклят, если вытрется собственной рубашкой!

– Полотенце! – На затылок Ноубла шлепнулась влажная тряпка. – А, спасибо, Энтон.

– Это не Энтон, Маккэнихи.

Ноубл стер с глаз мыльную пену и, прищурившись, взглянул на Тима Гилпина:

– Гилпин. Разве ты не уехал, чтобы телеграфировать на восточное побережье истории о зайцах размером с дом?

– Поэтическая вольность, Маккэнихи, – усмехнулся Тим. – Та история оплатила мне новую пишущую машинку. Разумеется, если бы ты когда-нибудь захотел увидеть свое имя напечатанным, я, пожалуй, мог бы порекомендовать тебя на роль обозревателя.

Намылив куском мыла волосы, Ноубл в четвертый раз взбил пену, чтобы смыть толстый слой смеси керосина с колесной мазью, который он держал на теле в течение последних шести часов. Боже, как он ненавидел вшей, ненавидел всегда, еще с тех пор, когда жил в многоквартирных домах, где вши и как следствие позорно обрита голова были неминуемы! Он скорее неделю проведет в чане с этим ядовитым средством, сжигая кожу и получая рубцы на теле, чем когда-нибудь снова обреет голову.

– Ноубл, мы можем заработать состояние. Дикий Билл Хикок и Билл Коди, эти ребята правильно мыслят – пару приключений можно превратить в кучу денег.

Выбравшись из бадьи, Ноубл вытерся насухо и надел чистое белье.

– Черт побери! Неужели ты, парень, не понимаешь, какая ты золотая жила? Этот Дикий Билл продает всевозможный вздор восточным газетам, по существу, благодаря паре пряжей длинных светлых волос и болтовне, вылетающей из него быстрее, чем пуля из пистолета. И ты. Ветеран войны, выпускник Йеля, настоящий путешественник, не то что половина хвастунов в прессе, – и тоже с длинными волосами! И ты не позволяешь мне написать ни слова из всего этого!

Ноубл отнес бадью к задней двери «Магазина Гранди» и вылил на землю покрытую маслянистой пленкой воду, а потом, подойдя к полкам кладовой, начал перебирать сваленную кучей дешевую одежду.

– Раз уж ты здесь, сделай мне одолжение. – Он подошел ближе к Тиму. – От меня все еще пахнет керосином?

Тим слегка потянул носом.

– Не слишком.

– Хорошо. – Ноубл вытащил белую рубашку и просунул руки в рукава.

– Давай же, Маккэнихи.

– У-ух! – произнес Ноубл, натягивая джинсы и заправляя в них подол рубашки. – Куда это подевались Энтон и Гарри?

– Не знаю. Когда я пришел, они были в сарае за домом и что-то пилили, – в раздражении ответил Тим. – Не понимаю, что ты имеешь против легких денег.

– Просто вспомни, Тим, что Милт выписывает все эти восточные газеты. – Ноубл громко топнул каблуком по полу. – Возможно, им понадобится мало времени, чтобы удрать отсюда, а мне немного больше, чтобы добраться до них, но в конце концов мы встретимся. И если я

когда-нибудь прочту в одной из этих газет свое имя, я сделаю из твоей шкуры щит. Клянусь Богом, сделаю.

– Прекрасно. Отказывайся от славы и состояния. Какое мне дело? Чтобы написать статью, которую схватят нью-йоркские газеты, ты вовсе не нужен мне. Обойдусь, когда есть бесподобная, по-настоящему сногшибательная сенсация, находящаяся прямо здесь, в Сэлвидже. Прямо в гостинице «Золотая пыль». – Тим полировал ногти о свой грязный жилет. – Знаменитость, которая намерена устроить в нашей маленькой деревушке развлечение в нью-йоркском стиле.

Ноубл натянул второй сапог и встал.

– Самая крошечная сенсация, которую ты когда-либо видел, – самодовольно намекнул Тим.

Опять Венис. Собрав на затылке мокрые волосы, Ноубл стянул хвост кожаным ремешком и, не говоря ни слова, быстро протиснулся мимо Тима. Завтра он отправит свои отчеты в Вашингтон, купит одежду и уедет в... в... подальше от Венис!

Кассиус Торнтон Рид расправил куртку и взял дорогую сигару, от которой уже обугливался верх комода. Растянувшись на кровати в скомканных, пахнущих потом простынях и одеялах, спала женщина. Ее большие груди были обнажены, их не скрывал черно-красный корсет, единственный предмет одежды, бывшей на ней, плюс причудливо украшенные заклепками кожаные башмаки.

Секс не доставил ему большого удовольствия, так как Кассиус слишком хорошо осознавал, что Венис Лейланд находится всего через несколько комнат дальше по коридору. Нет, секс не доставил удовольствия. И Кассиус, потворствуя своим склонностям, не собирался погубить свои шансы на получение миллионов Лейланда. Пожалуй, он поступил глупо, что вообще не отказал себе, но проститутка, которая пристала по дороге в бар, схватила его за руку и потеряла ею свою большую, мягкую грудь. Он не был бы мужчиной, если бы отказал себе в удовольствии, к тому же Кассиус всегда был равнодушен к большим белым грудям.

Осторожно открыв дверь, он выскользнул в коридор и, чуть задержавшись, бросил горящую сигару в плевательницу у лестничной площадки. На цыпочках проходя мимо двери Венис, он пообещал себе, что в следующий раз не станет переплачивать, и направился вниз по лестнице.

Кассиус даже не заметил первых колечек дыма, которые начали подниматься от ковровой дорожки в шаге от плевательницы.

Заметив что-то черное и блестящее, поспешно прячущееся в тонкий чехол матраца, который дала ему Сэл, Ноубл решил, что на полу будет безопаснее. Сняв с себя сапоги и вытащив из-под ремня рубашку, он развернул свою скатку с постельными принадлежностями, растянулся на ней и, подложив руки под голову, устался в потолок. Уже перевалило за полночь, но будь он проклят, если сможет заснуть.

Это Венис виновата. Она, ее большие серые глаза и растерянное, короткое «Кто вы?». Очевидно, она выделила ему столько же места в своей памяти, сколько собаке дворецкого, – другими словами, никакого. Повернувшись на бок, Ноубл ударил подушку, которой ему служила туго свернутая куртка, чтобы придать ей другую форму.

Больше трех лет Венис ходила за ним по пятам, пока он не уехал в Йель. Она была его тенью. Его сказочной феей. Несчастной маленькой девочкой.

Рассердившись на себя, Ноубл резко сел. Ирландские бредни. Не находя себе места, он подошел к небольшому разбитому окну и, чуть отодвинув парусину, которой кто-то затянул пробоину, невидящим взором смотрел на дорогу, ведущую в «Золотую пыль».

Он знал, какая Венис: постоянно мечтающая о чем-то новом, о чем-то ином, о чем-то, что могло бы удовлетворить ее пресыщенные чувства, исключительная красавица, которая наслаждается похвалами, как пожилые дамы шоколадом, жадно запасая лакомство и не задумываясь, во что это обходится им самим или другим.

Девушки похожи на Адель.

Сжав руку в кулак, Ноубл уперся им в переплет окна. Он не думал об Адель уже несколько лет, а теперь добавил ее воскрешенный образ к списку обид, зачисленных на счет Венис.

Адель Самнер. Черноволосая, черноглазая, любимица всего общества. Оказавшись с ним в тускло освещенном заднем коридоре особняка Лейланда, она прижала к губам Ноубла длинные бледные пальцы и беспокойно поглядела за его спину, чтобы убедиться, что никто не видит ее с сыном кухарки.

– Дружок, ты можешь прийти ко мне в комнату после полуночи. Но смотри, чтоб тебя не поймали, иначе я отправлю тебя прямо в тюрьму.

Ему было семнадцать, он был горячий молодой дурень, он пришел в ее комнату. Что ж, теперь ему не семнадцать и он не позволит себе глупостей. Он будет видеть вещи такими, какие они есть, – и никаких исключений, даже ради Венис.

Под неясно светящейся полоской Млечного Пути взгляд Ноубла скользнул к гостинице, где спала Венис. Веранду второго этажа окружали тонкие завитки прозрачного тумана – или это что-то другое? В тот момент, когда он уловил острый запах горячей шерсти, его босые ноги уже коснулись твердо утрамбованной земли под окном, и он бросился к «Золотой пыли».

Позади него зазвенела пожарная тревога, зазвучали голоса. Пробежав последние сто футов до парадной двери, Ноубл рванул ее настежь и быстро побежал вверх по лестнице. Там дым висел плотной завесой, едкий запах обжег ему ноздри, у Ноубла пересохло в горле.

– Пожар! – истерически кричал женский голос.

Из-за закрытых дверей прорывались пронзительные крики ужаса и приглушенные ругательства. Из комнаты выскочил мужчина, прыгая на одной ноге и пытаясь натянуть сапог, а за ним, на ходу запихивая в саквояж пожитки, спешила выйти в коридор испуганная женщина.

Откуда идет дым, невозможно было сказать, потому что он густо заполнил узкий коридор. Люди задыхались и кашляли, мужчины снаружи просили ведра. Когда мимо Ноубла пробежала женщина с саквояжем, из красных глаз которой катились слезы, он схватил ее за руку.

– Где Венис Лейланд? – прокричал он.

– Она занимает комнату Кейти! Последняя дверь! – вывернувшись из его хватки, крикнула она.

Ядовитая пелена жгла ему глаза, но Ноубл, шурясь, побежал вперед и, добежав до конца коридора, поднял кулак и забарабанил в дверь:

– Венис! Венис! Нужно уходить!

В дыму колыхались едва различимые призрачные фигуры, выбравшиеся из комнат, люди в панике толкались и царапались, стремясь скорее добраться до единственной узкой лестницы, рыдания заглушались возмущенными требованиями и хриплыми криками.

– Венис! – Схватившись за ручку двери, Ноубл дернул ее изо всей силы, но дверь была заперта.

Он отошел, прислонился спиной к стене и, стиснув зубы, ударил в дверь ногой. Дерево треснуло, он ударил еще раз, и дверь открылась.

Венис стояла, прижавшись к двери на балкон, ее глаза были большими и испуганными. Свет от гаснущего фонаря мерцал на складках белой ночной сорочки и золотил черты лица.

– Я выйду там. – Она дрожащим пальцем указала в сторону веранды, и тень на стене позади нее повторила движение.

Ноубл плотно закрыл дверь и, взяв одеяло, заткнул им щель под дверью, чтобы преградить путь ядовитому дыму.

В три шага он был перед Венис. Еще шаг, и она, оказавшись у него в объятиях, уткнулась лицом ему в грудь. Он неистово, крепко обнял ее, а потом без всякого труда поднял на руки. Венис была в безопасности, и Ноубл просто физически почувствовал облегчение.

– Все в порядке! – заглушая суматоху, раздался снаружи громкий, уверенный голос Кейти. – Слышите меня? Остался только дым! Какой-то болван поджег ковер, но теперь все в порядке! Не бегите, а то поубиваете себя! Оставайтесь в своих комнатах и открывайте окна!

– Вы слышали? – Напряжение в руках Ноубла ослабло, его губы едва ощутимо коснулись блестящих черных локонов, рассыпавшихся по плечам Венис.

– Да, – пробормотала она.

– Вы не можете провести здесь остаток ночи. Как только все успокоится, мы проводим вас в «Золотую жилу». Вы можете занять мою комнату.

– Благодарю вас. – Ее голос был как слабый вздох.

Ощущение ее губ,двигающихся у его шеи, и резкий спад напряжения вызвали панику в теле Ноубла.

Худенькая маленькая девочка стала женственно прекрасной. Ноубл осторожно опустил Венис на пол. «Паршивый старый козел. Бедная девушка дрожит как осиновый лист, она почти без сознания, а ты думаешь только о том, как бы поцеловать ее».

Ноубл довольно грубо отодвинул ее на расстояние вытянутой руки и, решив утешить, мягко погладил по плечу. Идея оказалась не слишком хорошей: сквозь тонкую ночную сорочку он ощутил тепло тела. Теперь, когда опасность больше не угрожала, Ноубл с волнующей ясностью вспоминал подробности последних минут: ее вес и движение груди, свободных от одежды, изгиб ее талии.

Словно по собственному желанию, его пальцы обхватили предплечья Венис и притянули ее ближе. Она, не сопротивляясь, подошла к Ноублу, изящная, податливая и манящая, и нежными и в то же время опасными, как дым, глазами, выжидательно встретила его взгляд. Медленно, бесконечно медленно, Ноубл нагнул голову. Ее губ, готовых улыбнуться, коснулись удивление и радость.

Затем он дотронулся губами до ее губ, мягких, как лепестки, и податливых под его губами. Ее дыхание было сладостным, как нектар, и Ноубл со стоном упивался им, боясь пропустить большего от поцелуя, и неспособный совладать с собой.

Он отпустил руки Венис, чтобы не притянуть ее еще ближе к себе, но не послушные ему руки скользнули по шелковой коже ее стройной шеи, задержались на пульсирующей под кожей жилке, а потом поднялись выше и обхватили ладонями красивую голову. Не убирая своих губ от губ Венис, Ноубл пропустил между пальцами ее густые мягкие волосы на затылке и убрал с висков завитки.

«Меня могли бы сжечь, как колдунью», – испуганно подумала Венис, ведь это она призвала его сюда. Несомненно, она, потому что реальность никогда не могла бы так точно воплотить фантазию.

Ей следовало бы прийти в негодование от его наглости, испугаться его неожиданного объятия, но ласки незнакомца были чрезвычайно легкими, почти нерешительными, и Венис оставалась на месте, удерживаемая необыкновенной нежностью его прикосновений и невероятно трепетной сдержанностью, которую он проявил.

Его теплое дыхание заполняло ей рот, решительно изогнутые губы нежно терлись о ее губы, а длинные, сильные пальцы касались ее лица с осторожностью и благочестием слепого художника.

У Венис застучало сердце, и тело, внезапно пробудившееся к познанию неведомой вселенной удовольствия, подтолкнуло ее вперед, требуя большего. Уступив потребности в ответ прикоснуться к незнакомцу, ощутить его тело, потрогать его лицо, она осторожно погладила

худую смуглую щеку. Он закрыл янтарные глаза, опустив на щеки ресницы, и, повернув голову, потерся щекой о ладонь Венис.

Спутанные пряди длинных волос цвета старинного золота спиралью извивались у его шеи, ярко, как осенние дубовые листья, поблескивая на загорелой коже. Венис колебалась всего секунду, а потом обеими руками сжала его заросшие щетиной скулы.

И в то же мгновение его руки обняли ее, одна рука скользнула к талии так, что Венис, прогнувшись, прижалась к нему, а другой он повернул к себе ее лицо. Она упала бы, но рука крепко держала Венис, прижимая к наклонившемуся над ней крепкому мужскому телу.

Оставив ее рот и сместившись ниже, Ноубл, с исключительной осторожностью касаясь кожи, провел губами вдоль шеи, и Венис задрожала в ответ на его чувственную атаку, ощутив кожей жаждущие движения его открытого рта, влажного, горячего и опасного.

Он со стоном поднял голову и горящими, золотистыми глазами посмотрел вниз, на Венис, а его грудь тяжело поднималась и опускалась под изношенной рубашкой. Чувствами Венис завладели горячность и сдержанность, грубая сила и пронзительная нежность, и она, затаив дыхание и ни о чем не думая, прильнула к нему.

Внезапно он стиснул зубы и отвел взгляд, освободив Венис от сжигающего жара, захватившего ее в плен. Страсть пагубна, она вспыхивает мгновенно, и не знавшее ее тело Венис страстно устремилось к только что испытанным ощущениям. Венис провела руками по крепкой мужской шее, по широким покатым плечам и в конце концов потянула его снова вниз, к себе, но его тело напряглось и он не поддался.

В замешательстве Венис взглянула незнакомцу в лицо.

Он смотрел на кровать, куда она побросала свои платья, готовясь сбросить их с балкона. Когда его взгляд снова обратился к ней, он был непроницаем. Незнакомец выпрямился, заставив и Венис встать прямо, взял ее за запястья и опустил руки по швам.

– Это были вы. Это вы – женщина в серебристо-синем платье. – Его золотистые глаза блестели, лунный свет заливал резкие заостренные черты, в которых было знакомое жесткое выражение.

И внезапно Венис поняла.

– Слэтс Маккэнихи, – прошептала она.

Глава 6

Значит, она помнит, подумал Ноубл. Что ж, по крайней мере она еще способна испытывать смущение.

Он резко отпустил ее руки, словно их раскалил тот же жар, который воспламенил ей щеки, и с досадой отступил назад, потому что для какой-то его части было не важно, что Венис дразнила его с балкона, не задумываясь о возможных последствиях. Эта его часть просто хотела почувствовать, как Венис снова прижимается к нему.

Ноубл настолько рассердился на себя, что выругался, и Венис онемела от изумления. Боже, где его чувство юмора?

– Слэтс. Это замечательно! Где...

– Это были вы на том балконе, верно? – повторил он, отказываясь поверить ее приветливости и не желая снова оказаться в дураках.

– Да, – ответила Венис. – Но где...

Это была невинная, маленькая, дерзкая девчонка.

– И вы совершенно не имели понятия, кто я. – Он даже не пытался разобраться, почему для него так важно, что она его не узнала. А почему она должна была узнать его? Он всего лишь сын кухарки.

– Нет. Я никогда не узнала бы вас с первого взгляда, – улыбаясь, призналась Венис.

– «С первого взгляда»? – холодно повторил Ноубл. – Милая, то, что вы делали, было больше чем просто взгляд.

Она залилась румянцем, и даже в мерцающем свете масляной лампы были видны розовые пятна у нее на щеках.

– Я не могла хорошо разглядеть вас.

– Ха! У меня такое впечатление, что вы просто прекрасно все видели. Что случилось, милая? Вам скучно ждать момента закрытия скоростной дороги? Нужно немного поразвлечься?

– Поразвлечься? – Венис повысила голос. – За кого вы меня принимаете?

Господи, она говорит с негодованием. Но ведь она говорила с негодованием и в десять лет, когда объясняла, что не подсматривала за Ноублом и горничной в беседке. По-видимому, Венис выросла из наблюдателя развлечений в их активного участника.

Но Ноубл не подходит для развлечения.

– Вы просто еще одна светская девица, ищущая острых ощущений.

– Как вы смеете?! – Голос Венис был тихим и полным ярости.

– Я скажу вам как. Ответьте мне – если вы способны говорить честно, – что вы делали на том балконе? Проводили небольшой эксперимент? Быть может, просто хотели проверить, так ли легко вывести из равновесия горного бродягу, как кого-нибудь из ваших нью-йоркских приятелей? Что ж, позвольте мне предупредить вас, дорогая. Я не подопытный кролик.

Взяв ее серебристо-синее платье, Ноубл скомкал тонкую ткань. Венис рождена, чтобы разбивать сердца, и он рад, что не был свидетелем ее превращения в еще одну Адель, которая тайком уединяется с сыном кухарки, чтобы узнать, действительно ли бедняки делают это лучше. Он рад, что Тревор отправил его подальше от своего дома и... от Венис.

– Эксперимент? – взорвалась она, дрожа от возмущения. – Что за невообразимая наглость, вы, несносный... надутый, ошипанный гусак?!

У Ноубла от изумления открылся рот.

– И где же это вы научились таким словам?

– Не ваше дело.

– Да, верно. Не могу даже передать вам, как я этому рад.

Она издала какой-то приглушенный звук и тряхнула черными локонами. Это движение привлекло взгляд Ноубла к колыханию ее груди под кипенно-белой ночной сорочкой, и тело в ответ мгновенно сжалось, но он подавил возникшее желание.

– Во всяком случае, что именно вы делаете в Сэлвидже? – раздраженно спросил он. – Заигрываете с незнакомцами, заставляете отворачиваться всех достойных женщин города и едва не погибаете в огне?

– Я не собиралась умирать. Но еще несколько минут, проведенных с вами, и один из нас не выживет, – так же раздраженно огрызнулась Венис.

– Вы и теперь не можете как следует позаботиться о себе, как не могли десять лет назад, – с отвращением бросил он.

– Позвольте не согласиться. Мне пришлось научиться заботиться о себе. И так как нам нужно объясниться... то куда вы исчезли десять лет назад? И почему раньше, внизу не сказали мне, кто вы? Вы боялись меня или... стыдились себя?

Ну и ну! Неужели ей до него было так мало дела, что, после того как его выгнали из дома Лейланда, она даже не поинтересовалась, куда он девался? Это была еще одна, новая, обида – в добавление ко всем старым.

– Десять лет назад, дорогая, меня призвали в армию.

– О Боже! Я не...

– Конечно, – перебил ее Ноубл, – вы, возможно, не знали, что продолжается война, и, разодевшись в хлопок, как обычно, прогуливались по Парк-авеню. – Его не заботило, что он может быть несправедлив.

– О, вы самонадеянное, лицемерное, невыносимое... чучело!

– Чучело? Что ж, простите, милая, что я не такой намащенный и скользкий, как этот светский угорь, который извивается у ваших ног.

– Вы, случайно, не мистера Рида имеете в виду?

– Да. – Ноубл выставил вперед подбородок. – Именно его.

– Во всяком случае, мистер Рид обладает чувством долга. – Ее серебристые глаза скрылись за густыми черными ресницами. – Во всяком случае, он заботится о том, чтобы исполнять свои обещания.

– И что, черт возьми, это означает?

– Я скажу вам, что это означает! Вы обещали, что всегда – всегда – будете моим другом, а затем на десять лет уехали, исчезли молча, без единого слова! – Венис шагнула к нему, и Ноубл понял, что отступил.

– А что бы вы сделали, Венис, если бы я появился у вас на пороге? Предложили бы мне работу в своей конюшне? – язвительно поинтересовался Ноубл.

– Не могу поверить, что вы считаете нашу дружбу... – Она замолчала, очевидно, отказавшись от того, что собиралась сказать, и окинула сознательно пренебрежительным взглядом его полурасстегнутую рубашку, не подходящие по размеру джинсы и босые ноги. – Это, возможно, был бы взлет вашей карьеры!

– Вы, – выпрямившись, отозвался Ноубл, – стали снобом.

– А вы стали задирай! – Ей пришлось откинуть голову назад, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Я вас не задирай! – прогремел Ноубл.

– Задирали! – Она продолжала смотреть на него. – Вы врываетесь сюда, даже не спросив позволения, целуете меня, а потом начинаете кричать, потому что я вас не узнала!

– Это не потому...

– А как я могла узнать вас? Вы на шесть футов выше, на шестьдесят фунтов тяжелее и... – Венис потянулась вверх, к его хвосту, – и у вас длинные волосы! – Она резко дернула его за хвост.

– О-ох!

– И, могу заметить, – она подбоченилась, – вы тоже не узнали меня!

Ноубл понял, что оказался в глупом положении, с досадой осознав, что ее обвинения справедливы, но воспоминание о развязном поведении Венис вновь разожгло его праведный гнев.

– Я узнал бы вас, если бы вы не прятались в тени, хриплым шепотом приманивая меня.

– Хорошо, – сухо сказала Венис, чувствуя, как у нее на щеке дрожит мускул, – возможно, сегодня днем я повела себя импульсивно, посвистев в ответ на ваши нелепые позы, демонстрировавшие мужественность, но несколько минут назад я определенно не свистела из окна.

– Нелепые позы!.. – Ноубл едва не задохнулся. – Когда вы вздыхали на своем балконе, мне казалось, что они вам очень нравятся. Честно говоря, я тогда подумал, что вы вот-вот прыгнете с балкона...

– Вы ужасный человек! По тому, как вы себя ведете, можно подумать, будто я сама устроила пожар в этом мерзком доме лишь ради того, чтобы выманить вас из какой-то дыры, где вы проводили ночь, и получить чрезвычайно сомнительное удовольствие от того, что вы меня обслюнявили!

– Обслюнявил? – С него хватит. – Леди, если бы я не увидел это проклятое платье, вы бы уже лежали на спине с задранными до ушей подолом! И мы оба это понимаем!

Леди от такой грубости умерла бы из-за приступа удушья, но Венис, очевидно, не была леди.

Она приблизилась, так что ее нос оказался в дюйме от его груди, воинственно выпятила изящный подбородок и вызывающе заявила:

– Это вам хочется так думать.

О-го-го! Ноубл назвал Венис обманщицей, а затем, растопырив пальцы, запустил их в ее густые блестящие волосы и, положив руку ей на затылок, бесцеремонно притянул ближе.

Широко раскрыв от изумления глаза, Венис уперлась руками ему в грудь, так что кончики ногтей просто вонзились в его голую кожу над расстегнутой рубашкой, и попыталась оттолкнуть, но безрезультатно. Он улыбнулся порочной улыбкой и заставил Венис подойти еще ближе. Секунду он смотрел в ее глаза, отражающие лунный свет, а потом накрыл губами ее рот.

Ее можно было сравнить с самой сладостной мечтой любого мужчины. Проскользнув между ее губами, язык Ноубла коснулся ее языка. Ноубл хотел напугать Венис, но сила и глубина собственной страстной реакции на нее нарушили его планы, и он резко отстранился.

Он круто развернулся и, убрав с порога одеяло, отбросил его в сторону, а потом, грубо выругавшись, вышел, даже не оглянувшись.

Венис дрожащими пальцами пригладила волосы. Она не испугалась: несмотря на угрозу, исходившую от его длинного, напряженного тела, Ноубл Маккэнихи не напугал ее.

Она много лет горевала о том, что потеряла его, и гадала, когда он вернется, а главное, без конца строила предположения о том, что с ним случилось. Теперь Венис знала.

Он больше не был Слэтсом. Тот бледный, тощий, бритоголовый мальчик превратился в загорелого, сильного, гибкого мужчину, и только его золотистые глаза остались прежними.

Венис подняла с пола серебристо-синее платье и внесла поправку в свое последнее заключение: его категорическое, безапелляционное осуждение ее поведения тоже осталось прежним.

Если он был так уверен, что она стала бесстыжей девкой, то почему целовал ее так... ненасытно?

Вернувшись к кровати, Венис взяла свое платье, с силой встряхнула его, чтобы прогнать сильный запах дыма, и, открыв дверцу гардероба, бросила внутрь. В этот момент в дверях появилась Кейти, закрывая нос ярко вышитым носовым платком.

– Что, этот Маккэнихи уже ушел из вашей комнаты? – Голос Кейти, приглушенный платком, был полон любопытства. – Молодец парень, быстро работает! Милая, вы сколотите здесь состояние, если ваш папочка потеряет когда-нибудь свои деньги и...

– Все не так, – перебила ее Венис. – Мистер Маккэнихи совсем не такой, как я ожидала.
– Лучше? – с трепетом уточнила Кейти.
– Нет. То есть я хочу сказать, что у меня не было возможности... Я имею в виду, что не хочу знать... О, черт бы все побрал!
– Что ж, прекрасно, Венис, вам лучше знать.
– Ничего не произошло! Ничего!
– Успокойтесь, милая. Рим не сразу строился... Вы получите Маккэнихи.
– Повторяю: он мне не нужен.
Это была ложь, и, судя по тому, что глаза над платком прищурились с явным недоверием, Кейти тоже это понимала.

Ноубл проснулся поздним утром, когда в окно вливался яркий солнечный свет, и, прижав к глазам кулаки, застонал. У него было такое ощущение, словно кто-то насыпал под веки целое ведро колючего песка. Но он заслужил свои мучения. Прошлой ночью его охватило глубокое негодование, и он второпях забыл о том, что вначале предложил Венис свою комнату. Вот такое рыцарство.

Достав из седельной сумки бритвенные принадлежности, Ноубл взбил в миске мыльную пену и, намылив лицо, взглянул в зеркало. То, что он там увидел, ему не понравилось.

Венис, должно быть, сочла его сумасшедшим. О чем он только думал, когда так разорался на нее? Думал? В этом-то и дело. С того момента как он узнал, что Венис в городе, он вообще потерял способность здраво мыслить. В эти дни он только и делал, что переживал. Он ворвался к ней в комнату, схватил ее, поцеловал, а затем чуть ли не назвал проституткой и убежал прочь.

Какое ему дело, если она выросла и стала такой, как Адель?

Бритва дрогнула в руке Ноубла, и капля крови заалела в густой белой пене. Ноубл выругался и решил извиниться, как только увидит Венис – даже если это его убьет.

Кейти сдула пену с кружки пива, долила ее и подтолкнула к одному из своих прибыльных посетителей. Тайком отрезав кусок жевательного табака, она бросила его в бочонок, чтобы придать слабому напитку за доллар чуть больше крепости. Бог свидетель, ей нужен каждый цент, который можно выжать из этого заведения. Вот сейчас уже почти одиннадцать часов, а все, что она продала, – это пара кружек пива и полдюжины чашек кофе.

На втором этаже открылась дверь, и все головы в зале мгновенно повернулись в ту сторону. В поле зрения плавно появилась Пегги с темно-рыжими локонами, подпрыгивающими вместе со всем остальным, и среди посетителей пронесся стон разочарования.

– Ах, извините! – произнесла смертельно оскорбленная Пегги. – По-моему, только на прошлой неделе я была достаточно хороша для многих из вас.

Так как посетители не обращали на нее внимания, лицо Пегги приобрело восхитительный красный оттенок, и она, мотнув хвостом, гордо отправилась туда, откуда пришла.

Еще немного, со вздохом подумала Кейти, и девушки будут искать другое жилье. Решить проблему можно единственным способом, поняла Кейти: нужно убрать Венис с пьедестала, на который ее возвели все эти глупцы, строящие воздушные замки.

И самый лучший способ осуществить это – уложить Венис в чью-либо постель.

Когда Венис станет заботой какого-нибудь одного парня, эти ничтожества, мечтающие стать ее кавалерами, придут утопить свое горе прямо здесь, в «Золотой пыли»! И этим парнем должен быть Ноубл Маккэнихи!

Это была блистательная идея. Однако открытие, что двадцатидвухлетняя Венис – девственница, смущало Кейти. И хотя она была абсолютно убеждена, что Венис следует выбрать жениха из нью-йоркского высшего общества, все же, раз уж появилась такая возможность,

Венис должна получить представление о грубом, многоопытном самце. А Ноубл Маккэнихи был привлекательным самцом.

Кейти улыбнулась. Она хороший игрок, один из лучших игроков штата. Все, что ей нужно сделать, – это постоять сзади и посмотреть, как ложатся карты, а уж только потом садиться за игру. Она найдет способ заработать на Венис Лейланд и превратить «Золотую пыль» в прибыльное заведение. А тем, кому предназначалось внести свою долю, был Ноубл Маккэнихи.

Глава 7

К тому времени, когда ноги Венис коснулись холодных досок пола, ее негодование перегорело само по себе, оставив лишь несколько крупниц среди пепла.

Рыцарь ее детства превратился во всклокоченного бродягу. Бесплатные столовые и ночлежки, организованные Фондом Лейланда, были полны людьми, подобными Ноублу, людьми, которые повидали слишком многое.

Венис читала газеты и знала, что по штату скитались многие участники войны, стремясь затеряться в суровых, безжалостных краях. Ясно, что Ноубл стал одним из них, подумала она, вспоминая рваную одежду, которая была на нем накануне. И возле корыта с водой рядом с Ноублом не было лошади – вероятно, он не мог позволить ее себе.

Венис надела платье в коричневую и зеленую полоску, продела в петли маленькие костяные пуговицы и поправила модный высокий турнюр. Пока она пристраивала на голове большую, украшенную шелковыми цветами шляпу, мысли вернулись на девять лет назад.

После того как Ноубл исчез, ей понадобилось несколько месяцев, чтобы набраться мужества и спросить у отца, что случилось. Венис до сих пор помнила, как поднималась по длинной мраморной лестнице в святая святых своего отца – в библиотеку на четвертом этаже.

Холодное выражение, появившееся на лице отца, едва он увидел на пороге дочь, стало жестким, когда он услышал ее вопрос. Отец жестом предложил ей сесть у дальнего конца огромного письменного стола, который занимал почти всю бесцветную, освещенную газовой лампой комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.